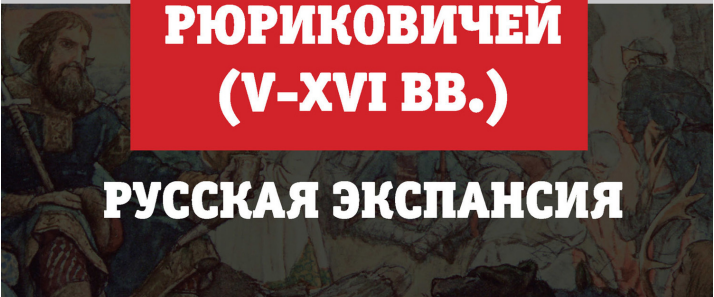

The background of the cover is a painting of a man in a green robe, seen from behind, holding a large wooden cross. He is standing on a grassy hill, looking out over a vast, rolling landscape under a cloudy sky. The man has long, wavy hair and a beard. The cross is made of two weathered wooden beams.

**СЕРГЕЙ
МАКСИМОВ**

**ИМПЕРИЯ
РЮРИКОВИЧЕЙ
(V-XVI ВВ.)**

A dark, detailed illustration at the bottom of the cover shows a warrior in armor, possibly a Rus' prince or knight, holding a sword and shield. The warrior is depicted in a dynamic, almost heroic pose, with a beard and a helmet. The style is reminiscent of medieval manuscript illumination.

РУССКАЯ ЭКСПАНСИЯ

Сергей Владимирович Максимов

Империя Рюриковичей (V-XVI вв.). Русская экспансия

Серия «Белые пятна истории»

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=62682448

Империя Рюриковичей (V-XVI вв.). Русская экспансия / С.В. Максимов:

Родина; Москва; 2020

ISBN 978-5-907351-37-0

Аннотация

Книга охватывает период славяно-русской истории, начиная с V века и заканчивая концом XVI века. Переселение восточных славян за Днепр и создания ими крупных протогосударств. Формирование «древнерусской империи» под властью правящего Варяжского дома. Причины и ход возвышения Москвы. Возникновение в XV веке военизированной Московской империи и всплеске территориальной экспансии в XV–XVI веках.

Тысячелетняя история восточного славянства впервые излагается с позиций теории завоевания, в ходе которого русы подчинили себе славяно-финских туземцев Восточной Европы, передали свою власть семейству Рюриковичей, среди которых закрепились идея завоеванной земли как «добычи» правящего рода.

В формате PDF A4 сохранен издательский макет.

Содержание

Предисловие	9
Часть первая	13
Глава I	13
Где жили и к чему стремились славяне в VI веке	14
Гордость Даврита	16
Истязание Империи	18
Аварский фактор и перемены климата	25
Климатические изменения опасны в любом веке	27
Глава II	29
Исчезнувшие с лица земли	31
Голядь московская	35
Глава III	38
Заступничество хазар, победа над кутригурами и ее последствия	41
Покорение восточных балтов	43
Венедский след на северо-востоке.	46
Ильменские славяне и финская чужь	
Великий Новгород приглядывается к соседям	48
Не племена, а территориальные образования	49

Глава IV	52
Поборники самоуправления	55
Славянские князья	57
Глава V	60
Хазары, славянская демография и город Киев	61
Киевский каганат – славянский...	62
...или же Киев был русским?	64
Дуумвират	66
Язычник Аскольд или христианин Николай? Было ли у Аскольда христианское имя?	68
Поляне не были славянами?	69
Аскольд – узурпатор и создатель Куявии	72
Неуловимые русы	74
Часть вторая	77
Глава VI	77
Первое знакомство: русский дебют в Амастриде	77
Второй визит в Константинополь	79
Сугубо деловые отношения	82
Походы государственной важности	85
Рыцари без страха и упрека	88
Глава VII	92
Дорога на Каспий	92
50 тысяч надежд, 50 тысяч смертей	93

Хазарский щит. Русы в долине Куры. Город Самкерц и Хельг-наемник	96
Русы мстят хазарам и открывают ящик Пандоры	100
Два хазарских похода – есть ли в них историческая загадка?	101
Глава VIII	104
Русь торговая. Загадка русской «Гардарики»	104
Хочу быть русом	108
Князья-олигархи и их ближний круг	109
Русская экспансия и славянская колонизация – вместе или порознь?	113
Глава IX	116
Гражданская война в северной конфедерации	116
Годлав – зять Гостомысла. «Родственная» концепция призвания, или Рорик	117
Ютландский Призванный	119
Ладога, измена Рюрика и крах конфедерации	120
Олег Вещий начинает и выигрывает войну севера с югом	124
Киев при варяжской династии	127
Начало русской вотчины	128

Часть третья	132
Глава X	132
Древляне	133
Конец ознакомительного фрагмента.	134

Сергей Максимов

**Империя Рюриковичей (V–
XVI вв.). Русская экспансия**

© Максимов С.В. 2020

© ООО «Издательство Родина», 2020

Предисловие

Начну с предупреждения – некоторым я предлагаю НЕ ЧИТАТЬ эту книгу.

Я НЕ РЕКОМЕНДУЮ ее тем, кто не хочет расставаться с привычными иллюзиями. Я НЕ РЕКОМЕНДУЮ ее людям, которые до сих пор думают, что учебники по истории рассказывают им чистую правду. Эта книга вряд ли понравится тем, кто слепо верит, что из официальных источников на них льется незамутненный поток исторических истин. Она НЕ ДОЛЖНА попасть в руки тех, кто верит в многочисленные исторические мифы, насаждаемые вездесущим невежеством. Величайший из них – миф об исключительно мирном характере русского территориального расширения и безграничном уважении русских к другим народам, которых они пестовали и милостиво защищали от врагов. Не стоит читать эту книгу и тем, кто крепко уверовал в сладенькую сказку о так называемой «симфонии» русской жизни. Это позаимствованное в Византии понятие, на котором замешан один из величайших русских мифов, туманит мозги россиянам, убеждая их в том, что у нас в стране большие и малые, сильные и слабые, бедные и богатые изначально уважают и поддерживают друг друга, спаянные незримой, но прочной нитью религиозного самосознания. Эта книга СМЕРТЕЛЬНО ОПАСНА для таких людей, и я снимаю с себя всякую ответ-

ственность за состояние их психики, если они не последуют моему совету и не отложат ее в сторону.

Всем остальным я настоятельно РЕКОМЕНДУЮ прочесть книжку от корки до корки. Это будет увлекательное путешествие по страницам нашей истории, содержащее массу малоизвестных ранее фактов и новую концепцию исторического развития Рюриковой Руси. Познакомившись с содержанием книги, читатель узнает много неожиданного о том, что привык считать устоявшейся нормой. Чтение книги научит видеть и понимать скрытые пружины русской истории, действовавшие ранее, и кое в чем сохранившиеся до наших дней. Книга заставит по-новому взглянуть на проблему территориального расширения древней и средневековой Руси, увидеть, как в действительности складывались отношения между славянами, русью и другими народами европейского Заднепровья, узнать истинную роль семейства Рюриковичей в истории русской территориальной экспансии и понять, что на самом деле объединяло все периоды нашей истории вплоть до конца XVI века. В книге показано, как драматично складывались на Руси отношения политической власти, олицетворенной князьями Рюрикава Дома, и широких масс населения. Эта книга не является энциклопедией русской средневековой жизни. Однако она содержит немало информации, которую историки замалчивали столетиями и не спешили предоставлять читателю. Большая часть этих тайн относится к жестоким и беспощадным русским войнам. До вы-

хода этой книги их подробности были надежно похоронены под обложками ветхих летописей и в текстах пыльных фолиантов, читать которые без подготовки слишком трудно и большинству людей некогда.

Наша древняя и средневековая история – не волшебная небылица, в которой благородные русские витязи только и делали, что защищались от беспощадных внешних врагов. Они и сами пролили много невинной крови. Шаг за шагом русская экспансия поглощала земли соседей. Сначала русы завоевали восточных славян и финнов, потом их лидеры – великие и малые князья Рюрикова Дома – погрязли в бесконечных войнах за территориальный передел, затем возвысилась грозная и беспощадная Москва, без спроса и позволения поглотившая гигантскую часть Восточной Европы от Новгорода и Смоленска до Урала, Тобола и Иртыша. Русская территориальная экспансия, достигшая пика при великих московских князьях и царе Иване, уничтожала соседние цветущие страны, превращая их в свои унылые полупровинции-полуколонии, и задиралась с Западом, претендуя на Ливонию и другие европейские государства. Все силы русского общества использовались на потребу войны. Некогда, а часто и некому было обихаживать завоеванное пространство. Страна все больше делилась на ратников и податную чернь, гнувшую на них свою спину.

Апофеозом русской экспансии стало завоевание Казанского царства, а ее плачевным итогом – страшнейший упа-

док и массовое обнищание русского народа к исходу Ливонской войны. Смута начала XVII в. явилась расплатой за непомерные территориальные аппетиты московских Рюриковичей.

Наша история – это бесконечная драма, последние акты которой еще не сыграны. Вот почему каждому из нас стоит освежить в памяти ее содержание и призадуматься о самих себе. В том, собственно, и состоит задача хорошей исторической книги, чтобы избавить читателя от устаревших стереотипов.

Русская экспансия приучила нас думать, что русский народ – пацифист и спаситель мира. (Иначе как защитой родной земли трудно было бы объяснить череду территориальных захватов!) Надеюсь, что дочитав эту книгу до конца, вы, как и ее автор, придете к выводу, что психология русского мессианства с точки зрения истории – не что иное, как удручающий завоевательный синдром, несущий разрушение, нестабильность и делающий несчастными всех, кто к нему прикоснется.

Наши далекие предки, настойчиво раздвигая территориальные границы, наделали много страшных и позорных дел. Эта книга – мой личный вклад в русское покаяние, к которому призывает историческая справедливость.

Часть первая

Предыстория

Глава I

Экспансия земледельцев

В современной России русскими считают себя 80 % населения, однако нет-нет да и услышишь в разговоре двух абсолютно русских собеседников брошенную между делом фразу об их славянских корнях. Мы живем в XXI в., но даже через тысячу лет помним о своих этнических предках – нынешние русские действительно именовались когда-то славянами и обитали к западу от Карпатских гор, то есть совсем не там, где обитают ныне.

Часто приходится слышать, что наши предки были мирными земледельцами и не вели завоевательных войн. Я лично не понимаю, почему славяне должны были отличаться от других варваров в лучшую сторону. В конце концов, законы исторического развития одинаковы для всех. Если люди вокруг бесконечно сталкивались в войнах за право на существование, почему же славяне должны были остаться в стороне? Это очевидное умственное заблуждение, и исторические факты свидетельствуют против него. В древности сла-

вяне, может, и не блистали знаниями военной теории, зато слыли храбрыми и бесстрашными воинами. Однажды многие из них надолго забросили хлебопашество и вступили на тропу войны.

Все началось в VI–VII вв., когда они razорили половину Византийской империи, уничтожили множество греков и захватили их земли. Эти деяния мало известны широкому кругу читателей. Авторы популярных книг по ранней славянской истории часто делают вид, будто славянского экспансионизма не существовало. Именно благодаря их стыдливому молчанию многие до сих пор считают древних славян тихими деревенскими пахарями, история которых может служить образцом кротости и вселенского смирения. Давайте же посмотрим, кем в действительности были древние славяне и как они заселили добрую половину европейской территории.

Где жили и к чему стремились славяне в VI веке

На страницах византийских хроник славяне впервые появились в середине VI в. В это время византийские писатели с удивлением обнаружили их на огромном пространстве между Одером и Вислой на севере и средним течением Дуная на юге. Маврикий Стратег тревожно сообщал, что славяне («склавины» и «анты») представляют собой многочисленный народ. Прокопий Кесарийский, описывая склавинов,

поражался перемене, произошедшей с ними буквально на его глазах, и называл их земли «бесчисленными». Славяне, писал Прокопий, составляют «несметные, неизмеримые племена», численность которых увеличивается. Вторил своим коллегам и готский историк VI в. Иордан. Вот как он описывал территориальную «империю» восточных славян: «...от места рождения реки Вистулы (Вислы), на безмерных пространствах расположилось многолюдное племя венетов. Хотя их наименования теперь меняются соответственно различным родам и местностям, все же преимущественно они называются склавенами и антами. Склавены живут от города Новиетуна и озера, именуемого Мурсианским, до Данастра (Днестра), и на север – до Висклы (Вислы); вместо городов у них болота и леса. Анты же – сильнейшие из обоих [племен] – распространяются от Данастра до Данапра (Днепра), там, где Понтийское (Черное) море образует излучину; эти реки удалены одна от другой на расстояние многих переходов».

Как видим, в середине VI в. славяне составляли огромную, но слабо организованную массу. Их отличительной чертой было воинственное свободолюбие. Они не признавали над собой единоличной власти и больше всего на свете не любили царей. Славянские старейшины проводили время в бесконечных распрях, подозревая друг друга в желании узурпировать власть. По этой причине у ранних славян не было лидеров, которые надолго могли объединить их в крупные союзы. Прозябая в разрозненном состоянии, славяне не

могли сопротивляться более сильным и организованным народам. В этом была их слабость, за это они неоднократно были наказаны германцами, гуннами, аварами, а потом и варяго-русами.

К середине VI в. огромный славянский котел, наполнившись, кипел и выплескивался через край. Разрозненные и враждующие между собой славяне тем не менее научились объединяться ради грабительских и захватнических войн. С тем большей опаской жители Византии наблюдали, как анты и склавины все ближе подбираются к левому берегу Истра и строят временные поселки вблизи их границ. От разорительных вылазок славян уже начинали страдать правобережные районы Византии. Греки имели богатый опыт общения с варварами и знали, что рано или поздно славянские вожди поверят в свою непобедимость и двинут толпы дикарей громить и разорять византийскую цивилизацию.

Так считали в Константинополе. А что думали об этом сами анты и склавины? Неужели они действительно планировали напасть на Империю, захватить ее цветущие области и поселиться в них на праве завоевателей?

Гордость Даврита

Чтобы ответить на этот вопрос, предлагаю дать слово современникам и очевидцам описываемых событий. На наше счастье, однажды византийский дипломат и историк VI в.

Менандр Протектор оказался при дворе вождя антов Даврита. В это время Даврит вел сложные переговоры с послами аварского хана, который требовал от него подчинения. Менандр видел своими глазами, как анты сошлись на большое собрание и как Даврит произнес среди них зажигательную речь. Так как все сказанное слово в слово было записано византийцем по горячим следам, мы имеем уникальную возможность процитировать то, что сказал верховный вождь антов своему народу.

Итак, вот как ответил аварским послам Даврит от своего имени и от имени всех антских князей, которыми он повелевал: «Родился ли на свете и согревается ли лучами солнца тот человек, который бы подчинил себе силу нашу? Не другие нашей землей, а мы чужой привыкли обладать. И в этом мы уверены, пока будут на свете война и мечи»¹.

Если мы доверяем Менандру Протектору (а у нас нет оснований не верить этому человеку), то получается, что в своем выступлении Даврит коротко изложил военно-экспансионистскую стратегию славянской знати, а, может быть, и всего славянского народа. В его словах есть все: и ставка на силовое решение политических вопросов; и четко обозначенная захватническая политика, которую Даврит гордо и неприкрыто выражает фразой: «мы чужой [землей] привыкли обладать»; есть тут, наконец, прославление войны и культ оружия. В своей речи Даврит сформулировал программу славянской войны против всех. За его словами незримо скры-

вается также кровавый способ обогащения, которым пользовались анты, нападая на соседние народы, включая византийцев.

О том, что славяне давно и успешно занимаются разбойным промыслом, знали все вокруг. Собственно, потому авары и планировали подчинить, а затем и ограбить славян, что земля их, как гласила молва, изобиловала деньгами. Авары сочли несправедливым, что «склавины издавна грабили римлян», а сами же не были разорены «никаким другим народом»². Не вдаваясь пока в подробности славяно-аварских отношений, вернемся к ответу на вопрос о том, что делали и как вели себя славяне на Балканах. Сама по себе тема славянского завоевания Балкан не входит в задачу данного повествования, но мне кажется важным описать методы, с помощью которых древние славяне действовали против других народов. Поэтому предлагаю вновь обратиться к фактам.

Истязание Империи

Тревожные звонки, возвещающие о славянской опасности, прозвенели для Византии в начале VI века. Это был первый случай, когда склавины и анты сумели временно объединиться, создали большой военный союз³ и начали грабить Византию. Сплочение сил перед большой войной – хорошая тактика для тех, кто надеется на победу.

Но славяне не собирались вести войну по всем правилам

ратного искусства. Для этого у них не было ни командиров, разбирающихся в премудростях военной стратегии, ни солдат, обученных тактике ведения боя, ни подходящего вооружения. Зато они располагали огромными человеческими ресурсами и томились непреодолимой жадой обогащения.

Этого было вполне достаточно для начала бесконечной череды больших и малых вторжений, длившихся более ста лет⁴ и сотрясавших основы византийского государства. Славяне действовали дерзко и решительно, но их отвага просыпалась лишь в моменты слабости Империи, когда греки не могли им ответить, отвлекаемые другими, более опасными врагами.

Массовые нападения славян на Византию начались в период правления императора Юстиниана I (527–565). В это время грекам постоянно приходилось отбивать атаки вандалов и персов. Начиная с 535/536 г. они вели изнурительную войну с готами. У Империи не хватало сил успешно действовать на всех фронтах и прикрывать свои растянутые границы. Славяне воспользовались вынужденной слабостью Константинополя и осадили северо-византийские провинции. С тех пор несколько поколений ромеев от рождения до смерти не расставались с чувством неопределенности и страха за свою жизнь. Каждый прорыв славян за Дунай заканчивался для них мучениями, убийствами, грабежами, разорением и жестоким насилием.

До середины 530-х гг. Империя как-то сдерживала расту-

ций славянский напор. Дела даже пошли на лад, когда во Фракию прибыл талантливый и решительный военачальник Хильбудий. (Говорят, что он сам был родом из славян⁵.) Ему удалось наладить защиту границ, и в течение трех лет, пока он командовал дунайскими войсками, славяне опасались переходить через Истр и воздерживались от грабежей. Солдаты Хильбудия, напротив, неоднократно вторгались «в земли по ту сторону реки, избивали и забирали в рабство живших там варваров»⁶. Для греков эти карательные походы были вынужденной и крайне рискованной мерой.

Однажды антам удалось подстеречь небольшой отряд Хильбудия, когда он находился на их стороне реки. Как писал Прокопий Кесарийский, «славяне ... выступили против него все поголовно» и в кровопролитном сражении уничтожили своего злейшего врага. Второго Хильбудия, чтобы устрашать дерзких варваров, в Константинополе не нашлось. После его гибели никто уже не мешал славянам открыто переходить через Дунай, и «римская область» превратилась в беззащитный объект «для их вторжения»⁷.

Какое-то время в Византии надеялись, что смогут остановить славян территориальными уступками. Вскоре после убийства Хильбудия император Юстиниан предложил антам переселиться в старый римский город Туррис на берегу Истра. Город был построен при императоре Траяне (98-117), но варвары постоянно грабили и разрушали его, и теперь он

лежал в руинах. Юстиниан предложил антам занять не только город, но и его окрестности, то есть, по сути, создать собственную провинцию в Империи.

Это могла быть хорошая сделка, ведь антам давался бесплатный пропуск в греческий мир с его культурой и стандартами жизни. Но их не заинтересовало предложение императора. Не позарились они и на большие деньги, которые давал им Юстиниан за мир и участие в войне против гуннов⁸. Славяне выслушали мольбу Константинополя, сделали вид, что согласились, но поступили по-своему. Оба наших источника – Иордан и Прокопий Кесарийский – дружно заявляют, что с того момента склавины и анты «чуть ли не ежегодно» совершали набеги в Иллирию и по всей Фракии, творя «непоправимое зло тамошним людям»⁹. По сведениям Прокопия, при каждом таком набеге варвары уничтожали и уводили в плен до 200 тысяч жителей, оставляя после себя голую «скифскую пустыню»¹⁰.

Империя, словно медовые соты, притягивала к себе разномастных дикарей. Славянам нападать на греков не мешали даже внутренние войны, которые анты и склавины периодически затевали между собой¹¹. Во второй половине VI в. славяне буквально осадили Византийскую империю, накатываясь на нее бесчисленными грабительскими волнами. Они пересекали ее границы, переправляясь через дунайские Клисуры и «Железные ворота», где русло реки сильно сужалось

под напором Трансильванских Альп. Не встречая на своем пути сопротивления, варвары шли вглубь страны, методично грабя и разоряя все вокруг, захватывая и уводя людей в рабство.

Прокопий Кесарийский описал три опустошительных славянских похода на Византию, состоявшихся в 547, 549 и 550 годах. Славяне стали уже так сильны, что отваживались вступать в крупные сражения. Однажды они разбили многочисленный отряд императорской конницы, долго и жестоко пытали его командующего Асбада, а затем живьем сожгли на костре. После этого они хитростью захватили город Топеру поблизости от Константинополя и перебили в нем всех мужчин. По сведениям Прокопия, на тот свет было отправлено 15 тысяч человек. Дети и женщины, согласно действовавшим у славян правилам, были обращены в рабство; ценности, само собой разумеется, разграблены¹².

Захват имущества, уничтожение скота, убийство мужского населения, продажа в рабство женщин и детей – все это неперенные спутники территориальной славянской экспансии. Там, где появлялись славяне, мирные греки обречены были на гибель. Как писал Прокопий Кессарийский, пришельцы «...не щадили ни возраста, ни пола, <...> с того самого момента, как ворвались в область римлян, убивали всех, не разбирая лет, так, что вся земля <...> была покрыта непогребенными телами. Они убивали попадавшихся им на встречу не мечами и не копьями..., но вбив крепко в землю

колья и сделав их возможно острыми, они <...> насаживали на них этих несчастных...»¹³.

Огромные отряды славян в буквальном смысле усеяли трупами Фракию и Иллирию; они зверски казнили всех на своем пути, одних сажая на кол, других привязывая к столбам и забивая до смерти, третьих сжигая запертыми в их домах¹⁴. Размеры славянских «армий» иногда превосходили всякое воображение, колеблясь от нескольких тысяч до многих десятков тысяч человек.

В 578 г. около 100 тысяч вооруженных славян переправились через Истр и двинулись во Фракию и Элладу. По пути они занялись убийствами, насилием и мародерством, «грабя <...> местности, <...> зимую здесь, как бы в собственной земле, не боясь неприятеля»¹⁵. В 581 г. очередной славянский «десант» высадился во Фракии, Македонии и Фессалии. Византийский автор VI в. Иоанн Эфесский с горечью и удивлением рассказал в «Церковной истории» о том, что творилось на его родине в течение четырех лет после прихода славян. В царствование императора Тиверия, писал он, «проклятый народ славяне» прошли через всю Элладу, Фессалоникию и Фракию. Они захватили города и крепости, «опустошили, сожгли, полонили и подчинили себе область», а затем «поселились в ней <...> как в своей собственной». Местное население они повсеместно «уничтожали, жгли и брали в плен». Четыре года они жили «в ромейских обла-

стях, без забот и страха». За это короткое время славяне, пишет Иоанн Эфесский, разбогатели, награбили золота и серебра, завладели табунами коней и оружием. Они научились воевать лучше ромеев¹⁶ и готовились к дальнейшим захватам.

Ставший в 578 г. императором Византии Тиверий II (578–582), родом фракиец, решил сравить между собой славян и аваров, чтобы ослабить силы враждебных Империи народов. Тиверий подговорил аварских князей переправиться через Дунай и напасть на славянские поселки. Славяне понесли от аваров тяжелое поражение, но даже после этого не перестали терзать Византию.

Лишь к середине VII в. извержение славянского вулкана стало затихать, и его лава прекратила испепелять несчастных ромеев. Славяне добились всего, что хотели. Теперь в их руках находился почти весь Балканский полуостров. Фракию, Македонию, Далмацию и Истрию полностью заселили военизированные славянские колонисты. Захватив и разграбив Балканы, истребив значительную часть мирного населения, славяне вдруг проявили милость к тем, кто случайно остался в живых. Они не стали лишать их жизни, а просто обложили налогами в свою пользу. В Мёзии они говорили выжившим фракийцам: «Выходите, сейте и жните, мы возьмем с вас только половину подати»¹⁷. Славяне, как полноправные господа, снизили царские налоги, а заодно направили их в другое русло. Раньше они шли в государственную казну, а те-

перь стали наполнять сундуки славянских вождей и их дружинников.

Аварский фактор и перемены климата

К середине VII в., когда южные славяне прочно завладели византийской землей, балканское направление их экспансии закончилось. Первое и очевидное наблюдение за его развитием состоит в том, что наши далекие предки действовали в Византии как бесцеремонные и жестокие завоеватели, для которых право сильного было единственной мерой добра и зла. Они исповедовали «гуннскую», как сказал бы Прокопий Кессарийский, идеологию завоевания, и в этом смысле ничем не отличались от большинства варваров своего времени.

В VI–VII вв. исконные земли славян между Одером, Вислой и Дунаем заметно обеднели людьми, но их массовый отток на Балканы со временем компенсировался высоким демографическим ростом. Новые поколения склавинов и антов заполнили опустевшие деревни, и славянство вновь испытало тягу к земельным завоеваниям.

Невозможно предположить, в какую сторону двинулась бы следующая волна славянской экспансии, – ведь южное направление было уже «освоено», а на севере и западе жили непомерно воинственные германцы, – если бы в ход славянской истории не вмешались два значимых обстоятельства.

Первое было связано с приходом в Центральную Европу

аваров. В 565 г. они переправились на правый берег Дона, и принялись опустошать и грабить страны Восточной Европы¹⁸. Сильнее других в столкновениях с ними пострадали анты.

Византийский писатель Феофилакт Симокатта сообщает, что между 582 и 602 гг. во время войны аваров с Византией аварский каган послал военачальника Апсиха на антов и приказал ему истребить этот народ¹⁹. Был ли этот жестокий приказ выполнен полностью, не ясно. Известно только, что с конца VI – начала VII вв. упоминания об антах полностью исчезают со страниц средневековых хроник и летописей. Даже «Повесть временных лет» не знает их имени. Зато не молчит она о тяготах аварского господства.

Нестор, хотя и смутно, излагает на страницах «Повести» рассказ о жестоком отношении аваров к придунайским дулебам, над которыми они господствовали. Широко известны хрестоматийные строки летописи о том, как обры «чинили насилие женам дулебским», запрягая их в телеги вместо коней или волов²⁰. Пусть этот пример единичен, но он наглядно иллюстрирует высокую степень несвободы, в которую многие анты попали в начале VII века.

Авары серьезнейшим образом поколебали устойчивость державы антов. Многие из ее жителей были уничтожены ордами Апсиха; на других, как на дулебов, было наложено рабское ярмо. Seriously пострадала от завоевателей ант-

ская племенная верхушка. Огромный племенной союз сжался до размеров полусвободной территории на среднем течении Днепра, находившейся в наибольшем удалении от Аварского каганата²¹. Отсюда анты могли двигаться только на восток. Западное и южное направление колонизации было для них закрыто.

Климатические изменения опасны в любом веке

Второе обстоятельство, изменившее ход древней славянской истории и подтолкнувшее славян к миграции на восток, состояло в крупных климатических изменениях, затронувших север Центральной Европы. Примерно в конце IV в. на европейском континенте началось продолжительное ухудшение климата. Пик невиданного доселе природного катаклизма пришелся на V век. В течение целого столетия славяне, обитавшие к востоку от Рейна, пережили сильнейшее похолодание²², сопровождавшееся частыми проливными дождями. Из-за ливней повысился уровень воды в реках и стоячих водоемах. Подъем грунтовых вод вызвал разрастание болот и заметное переувлажнение почвы. Сильнее всего пострадали от этого обитатели среднего течения Вислы, где рельеф местности был особенно низким. Холод и мокрая земля²³, в которой гнил урожай, не оставляли земледельцам

другого выбора, кроме миграции.

Археологи установили, что в V в. средняя Висла превратилась в пустынный край без единого жителя. Нечто подобное произошло со славянами на Волыни и в районе Припяти²⁴.

Климатическая катастрофа стала тем перстом судьбы, который толкнул ободритов, лютичей и других славян венедской группы к масштабной миграции на восток. Начавшись поневоле, она длилась несколько сотен лет, то нарастая, то затихая в своем движении. Венеды неплохо подготовились к своей миссии. Судя по находкам славянских артефактов на территории Беларуси, Украины и западной части России, они обладали конницей и хорошо вооруженной пехотой. Так же как захват византийских земель доставил южным славянам новую родину на Балканах, так и уход части висло-одерского населения на восток Европейской равнины дал возможность появиться на новой земле восточному славянству. Вопрос только в том, как и на каких условиях венеды, склавины и анты, бежавшие от капризов природы и аварских сабель, получили территорию для своего зарождения?

Глава II

О чем молчат исторические карты

Если внимательно взглядеться в исторические карты Восточной Европы V–VIII вв., по которым наши дети учатся в школе, можно подумать, что Восточно-Европейская равнина была свободна от населения до того самого момента, пока на ее землю не ступила нога первого славянского переселенца. Думаю, славян устроил бы такой сценарий не меньше, чем школьников. Но, к величайшему сожалению для наших предков, вся Восточная Европа была полностью заселена.

На всем пространстве от Одера до Уральских гор не имелось и клочка свободного места, где они смогли бы прикнуться со своим скарбом и завести производящее хозяйство.

Почему составители школьных атласов не желают признавать очевидного? Они уверенно рисуют в Балтии предков современных литовцев и латышей: *ятвягов, аукинтайтов, жемайтов, куришей, земголу и латгалу*. Рядом показывают места обитания *ливов и эстов, води, ижоры, корелы и веси*. Двигая пальцем по бумажному листу с запада на восток, даже на ученической карте можно увидеть, что Поволжье и Приуралье испокон века заселяли *чудь, удмурты, мари, чуваши, мордва и голядь*. И только в ареале будущего расселения восточных славян карты упорно рисуют нам пустые дев-

ственные леса и голубые прожилки рек. Исторические карты «массового потребления» как бы говорят: посмотрите, наши предки никого не обижали, они пришли на свободную землю, дружески поделили ее между собой и занялись мирным созидательным трудом на благо будущих поколений.

Такая картина территориального заселения очень удобна для насаждения мифа об исключительно мирном характере славянской колонизации Восточно-Европейской равнины.

Было бы несправедливо полностью отказывать славянам в использовании «бесконфликтных» методов инвазии, то есть вторжения в чужое пространство. Подобные случаи могли иметь место с одной обязательной оговоркой – в VII и VIII вв. наши предки шли на восток не кланяться и не просить места на чужой земле. За свою историю они получили богатый опыт территориальных завоеваний и научились повелевать другими народами. Война и мечи помогли южным славянам захватить для себя балканскую часть Византии; эти же инструменты насилия должны были помочь восточным славянам овладеть Русской равниной. «Договариваться» с уцелевшими туземцами славяне будут потом, когда захватят их земли и утвердятся во власти.

Так что, отбросив стыдливую скромность, присущую русскому самосознанию, следует признать, что появление славян на Восточно-Европейской равнине сопровождалось массовым истреблением и длительными войнами с коренным населением.

Исчезнувшие с лица земли

Так кто же были те люди, что жили в бассейнах Двины, Днепра, истоков Оки и Верхней Волги в тот момент, когда первые славянские отряды готовились вступить с ними в территориальные войны? С кем пришлось встретиться пионерам восточнославянской колонизации на просторах необъятной «русской» равнины? Какую судьбу пришлось пережить этим людям, и что с ними в итоге случилось?

Основная часть народов, о которых идет речь, принадлежала к балтской языковой группе. В науке их принято называть восточными балтами. Бесспорно, что плотность их населения не была запредельно высокой. Немалая часть балтских земель пустовала, и их единственными обитателями были звери, птицы да вольный ветер, гулявший в древесных кронах, — примерно так, как представляется это современным школьным картографам. Балтов эти просторы не интересовали. Но вот что любопытно, славяне тоже не проявляли к ним особого интереса!

Здесь я обязан напомнить читателю, что большая часть земной поверхности на протяжении многих тысяч лет была непригодна для жизни человека. Да и людей было не так много, чтобы освоить гигантские просторы дремучих лесов и непроходимых болот. Древним народам приходилось предпринимать титанические усилия, чтобы расчистить неболь-

шие площадки от дикого леса и обустроить на них подобие цивилизации. На это уходили долгие годы, и все равно лес господствовал и оставался враждебным миром для средневековых земледельцев. В лес приходили для охоты, но жить в нем категорически отказывались.

И еще один важный момент – люди древности селились около рек и озер, а безводные участки суши старались обходить стороной. По этой причине славянских переселенцев гораздо больше интересовали возвышенности, где не было болот, плодородные долины и берега судоходных рек или озер, то есть те наиболее удобные участки, оазисы, давно заселенные балтами и составлявшие их главное достояние.

От восточных балтов той поры до нас не дошло ни устных преданий, ни тем более письменных документов. Даже имена этих народов нам за редким исключением неизвестны. Косвенно этот факт указывает на жесткую конфронтацию между пришлыми славянами и туземцами, развернувшуюся в VII–VIII вв. на огромной территории современной Беларуси и России.

Чтобы рассказ о судьбе восточных балтов был максимально достоверен, предлагаю обратиться за помощью к археологам.

Представители этой почтенной науки утверждают, что на территории России и Беларуси до прихода славян обитали три племенные группировки восточных балтов: тушемлинско-банцеровская, колочинская и мощинская. Народы ту-

тушемлинско-банцеровской культуры жили в Минской, Могилевской, Витебской и Смоленской областях. Колочинская культура занимала Гомельскую, Брянскую и Курскую области. Представители мощинской культуры населяли Орловскую, Тульскую и Калужскую области, а также западную часть Подмосковья²⁵.

Как видим, основные районы будущей Киевской Руси за два века до ее возникновения были родиной совсем другого народа. Славяне пришли в эти края как мигранты и поселились в них без вида на жительство.

В середине 1950-х гг. археологическая экспедиция, копавшая в верховьях Днепра территорию тушемлинских балтов, сделала сенсационное открытие. В культурном слое VI–VII вв. археологи обнаружили многочисленные укрепления, полностью погибшие в огне страшных пожаров²⁶. Позже стало ясно, что кроме городищ огонь также уничтожил земледельческие поселки балтов. Открытие произвело в научных кругах эффект разорвавшейся бомбы, ведь даже археологи не предполагали ничего подобного. Но сюрпризы на этом не завершились.

Дальнейшие исследования показали, что в конце VII–VIII вв. восточные балты подверглись еще одной атаке с запада. В этот период они повсеместно возводили крепости-убежища, которые к концу IX в. были полностью уничтожены²⁷. Надеюсь, нет необходимости подсказывать имя лю-

дей, которые методично сжигали материальную культуру восточных балтов три века подряд. Увы, ими были братья-славяне, наши далекие предки, которых мы так любим за их неистребимый гуманизм.

На протяжении VI–VIII вв. славяне поставили под свой контроль территорию от Литвы на севере до среднего течения Днепра на юге²⁸. В IX в. никаких балтов здесь уже не было в помине: кругом стояли славянские поселки и города. За какие-то три сотни лет под давлением славянской колонизации целые народы исчезли с лица земли. А ведь в культурном отношении они мало отличались от завоевателей²⁹.

Доминирование славян основывалась не на высоком уровне труда и общения, притягательном для других культур. Они победили своих нечаянных врагов численностью и воензированной структурой, при которой каждая семья сочетала пахотный труд с военным ремеслом. Территория, занятая балтами, постепенно сузилась до крошечных размеров. Но и эти разрозненные островки исчезли к началу XII века.

Если бы славяне полностью истребили восточных балтов, то вошли бы в историю как самые кровожадные злодеи в мире. Но, к счастью, они не претендовали на это звание. Часть балтского населения, успевшая спрятаться в глухих местах, избежала физической смерти и годы спустя влилась в славянский социум в качестве рабов или зависимых данников. Изредка славяне образовывали с балтами смешанные посе-

ления³⁰, но в них всегда господствовал славянский этнический элемент.

Славяне отняли у балтов их историю, лишили языка и стерли с лица земли как самостоятельный народ, способный участвовать в историческом процессе. Никто и никогда больше не слышал об этих людях, за исключением единственного племени, местом обитания которого, по злой иронии судьбы, была территория будущего Московского княжества.

Голядь московская

Хроники сохранили для нас единственный пример длительной борьбы восточных балтов за их этническую и территориальную идентичность. Героический народ голядь, оказавший сопротивление славянам, занимал обширные районы в бассейне верхней Оки, заселяя, в том числе, современное Подмосковье³¹.

Из славян первыми на Оке около VIII в. появились вятичи. В ходе острых столкновений они постепенно начали вытеснять голядь с насиженных мест. В IX–X вв. вятичи последовательно заселили большие участки окского побережья и захватили устья крупнейших притоков Оки, ранее принадлежавших голяди. Балты вынуждены были отступать в самые неудобные для жизни районы.

В XI и XII вв., действуя на окраине чужой земли, славяне в

основном старались использовать малоконфликтные способы инвазии³². Обстановка круто изменилась, когда их поселения приблизились к столице «мощинского царства», располагавшегося в бассейне Москва-реки.

При колонизации Западного Подмосковья и части смоленских земель, также принадлежавших голяди, мирные методы проникновения были полностью отброшены. Свою исконную территорию, центр своего государства и его последний оплот балтам пришлось оборонять с величайшим мужеством. Между ними и вятичами завязались длительные кровопролитные войны. К сожалению, источники сохранили для нас лишь несколько эпизодов этой мрачной эпопеи.

Так, известно, что в 1058 г. князь Изяслав Ярославич ходил на войну против голяди в Смоленскую волость и одержал над ними победу³³. Почти через девяносто лет (в 1147 г.) черниговский князь Святослав Ольгович по повелению Юрия Долгорукого снова воевал Смоленскую волость и захватил земли в бассейне реки Протвы, заселенные все той же голядью³⁴. Еще через сто лет в 1248 г. Михаил Ярославич московский «убьень бысть от Литвы на Поротве»³⁵. То есть был убит там, где как раз и держала оборону осажденная со всех сторон голядь, ошибочно поименованная летописцем «Литвой».

С годами интенсивность славянских нападений не снижалась, и в этом же 1248 г. другой московский князь – Миха-

ил Хоробрит – ходил воевать балтов на Протве и также погиб там в бою с местным ополчением³⁶. Лишь в XV в., когда московские князья сменили тактику и стали окружать свою столицу городами и вотчинами, голядь просто растворилась в толчее народов, стекавшихся со всех краев и весей в Москву, и была ассимилирована москвичами³⁷.

Пример балтоязычной голяди – показатель того, как славяне прибирали к рукам Восточно-Европейскую равнину. Используя мирное давление, где и когда это было возможно, они постепенно подбирались к основным очагам сопротивления и уже после этого включали механизм военного захвата. Длительность и итоги войны с московской голядью также свидетельствуют о том, что славяне не испытывали большого интереса к сосуществованию с другими народами. В своей массе они были простыми земледельцами и думали о собственном выживании гораздо больше, чем о свободах и правах соседей-инородцев. Им были нужны земли, а не соседи. Их стратегическая цель состояла в захвате всей территории Восточно-Европейской равнины и превращении ее в нескончаемый источник пахотных земель. К VIII–IX вв. эта грандиозная задача была частично реализована.

Глава III

Загадочная страна

«Валинана» и ее исчезновение

После того, как мною был обрисован общий контур начала славянской колонизации Восточно-Европейской равнины, думаю, стоит более подробно рассмотреть некоторые из ее деталей. Для этого вернемся немного назад и вновь обратим свои взоры к антам.

После завоевания аварами анты оказались на положении людей второго сорта и, жестоко притесняемые, начали медленно отступать на восток, двигаясь в сторону Днепра и всего днепровского Правобережья. Их отход не был похож на паническое бегство. Несмотря на превосходство своих «гонителей» в силе, анты дважды (в 560-е гг. и в 630 г. после смерти Бояна) возвращали себе независимость.

Первая попытка была незначительной и практически не зафиксирована в источниках. Что же касается событий 630 г., то в этот раз антам удалось воспользоваться династическим кризисом, охватившим Аварский каганат, и выйти из-под его власти. Была ли обретенная ими свобода полной, неизвестно. Но анты, в любом случае, получили время на передышку.

В районе современной Волыни они создали славянскую

«конфедерацию». Арабский путешественник и географ *аль-Масуди* называл ее *Валинаной*³⁸. Существует мнение, что Волынская конфедерация антов и примкнувших к ним склавинов просуществовала сто пятьдесят или даже сто восемьдесят лет. Считается, что в ее состав входили *бужане, дреговичи, древляне, уличи и тиверцы*, то есть те народы, которые известны по летописям как «исконное» население юго-западной части Киевской Руси³⁹.

Независимое положение Волынской конфедерации и враждебность Аварского каганата, угрожавшего Волини с запада, заставляли славян внимательнее приглядываться к землям своих восточных соседей. Первые контакты между ними, видимо, имели торговую основу. Благодаря товарообмену волынские купцы проникали на днепровское Левобережье, изучали здешнюю обстановку, выявляли слабые места, искали союзников и готовились к захватам.

Территориальное давление Волынского союза на восточных балтов заметно возросло в период правления славянского царя *Маджака*. Видимо, при нем были приняты важные решения, касавшиеся частичного переселения в Заднепровье. При Маджаке не только купцы, но и военные вожди с их дружинами, разбойничьи шайки и мирные поселенцы стали регулярно пересекать Днепр и подолгу задерживаться на том берегу.

После смерти Маджака Волынская конфедерация распалась. Тем не менее переселенческое движение за Днепр уже

сформировалось. Напротив, частые «раздоры между племенами», лишенными единого «порядка»⁴⁰, стали дополнительной причиной славянской миграции. Возвышение родовой знати и клановые войны антских князьков накаляли межплеменную обстановку: из-за этого славяне семьями и целыми родами уходили с правого берега Днепра на левый.

У аль-Масуди имеется ценное свидетельство, согласно которому первым князем, обособившимся после распада Волынской конфедерации, был некто *Дир*⁴¹, которого, как мы знаем, «Повесть временных лет» связывает с *Аскольдом*, а их обоих считает первыми князьями в Киеве⁴². Если арабский писатель ничего не перепутал, то мы получаем из его уст прямое указание на начало славянской колонизации западного и восточного Поднепровья под руководством Дира.

В самом конце VIII в. (в 796 г.) Аварский каганат был полностью разгромлен сыном Карла Великого *Пипином Горбатым*. Как ни странно, но ликвидация аварского владычества еще больше подтолкнула восточную миграцию славян. Возможно, они обрели свободу и не хотели больше сталкиваться с франками, которые, скорее всего, считали их союзниками аваров.

Уже в 803 г., как свидетельствует биограф Карла Великого *Эйнхард*, бывшее Аварское государство, на окраине которого жили анты, обезлюдело⁴³. Многие славяне покинули свои районы и переселились за Днепр. Стоявший на границе со

степью скромный Киев был слабой защитой от кочевавших в низовьях Днепра степняков. Вот почему южное направление славянской колонизации, миновав Днепр, не задержалось в Киевщине, а повернуло на северо-восток, двигаясь ближе к дремучим лесам Чернигова, Смоленска, Муром и Ростова.

Заступничество хазар, победа над кутригурами и ее последствия

Как только речь заходит о хазарах, многим из нас на ум приходят строки А.С. Пушкина о мести, которую учинил им князь Святослав. Но что, если хазары сыграли в жизни славян не такую уж негативную роль?

Некоторые историки убеждены, что именно хазары помогли славянам укрепиться на левом берегу Днепра. В VI–VII вв. его нижнее и среднее течение принадлежало болгарскому народу кутригуры. Эти кочевники славились большим могуществом и вели войны с хазарами. В VII в. они заметно ослабели, но все еще представляли опасность.

Хазары стремились выдавить их из Среднего Поднепровья. Для этого они наняли славянских князей и позволили славянам переправиться через Днепр. Славяне успешно закрепились на левом берегу Днепра. Часть кутригуров они уничтожили, часть покорили, а остальных выдавили на восток.

В награду за верную службу славяне получили от хазар

в управление киевское Поднепровье с условием соблюдать интересы каганата и охранять его от кочевников. Хазары достигли тогда пика своего могущества, и славянам в чем-то могло импонировать положение подданных Хазарского каганата. О том, что киевские славяне были именно подданными, а не свободным населением Приднепровья, говорит тот факт, что они платили хазарам умеренную дань вплоть до прихода русов, то есть до середины IX века.

Победа над кутригурами позволила славянам расширить зону их присутствия на Среднем Днепре, и вскоре они уже расселились по всему днепровскому Левобережью⁴⁴.

Перед славянами открывались широкие возможности для колонизации земли, не имевшей на тот момент определенного хозяина и сильного защитника. Хазары благосклонно взирали на происходящее и не противились завоевательному порыву своих союзников. Из тех колонистов, которые расселились на землях кутригуров, образовался народ, именуемый в «Повести временных лет» полянами⁴⁵.

Освоение лесостепной полосы от Днепра до Дона шло без больших осложнений, так как оседлого населения здесь практически не было, а редкие кочевники славян не пугали. Впрочем, дойдя до междуречья Северского Донца и Дона, славяне проявили похвальную осторожность и обошли этот край стороной.

Причиной их бдительности стали кочевавшие в северских степях аланы, изгнанные сюда арабами в первой половине

VIII века⁴⁶. Тем не менее Дон и Донец оставались в поле внимания славян, и, как только позволили обстоятельства, а случилось это ближе к IX в., они постарались завладеть землями до среднего течения Дона⁴⁷. Что же касается кутригуров, то часть из них, известная под именем северы, приняла участие в формировании славянского племенного союза северян. Вплоть до XVI в. их потомки жили в районе Путивля и Рыльска, называли себя севрюки-сервы и выделялись из остального населения одеждой и говором. От имени этого народа унаследовала свое название река Северский Донец⁴⁸.

Покорение восточных балтов

Войны с кочевниками станут неотъемлемой частью дальнейшей жизни славян. Но все-таки наши предки больше тяготели к лесам и рекам Среднерусской возвышенности, чем к степным суховеям Нижнего Днепра или Придонья.

Поэтому основная масса переселенцев из Волыни пошла не в кутригурские кочевия, а двинулась вверх от Среднего Днепра, в лесостепи и леса, занятые восточными балтами.

Уже в IX в. славяне прочно держали в своих руках междуречье Десны и Сейма. В начале X в., двигаясь вверх по левому берегу Днепра, они отвоевали у балтов долину реки Сож (нынешняя Гомельская область Беларуси), затем вышли к днепровским истокам и укрепились в верховьях Десны и Оки (в нынешних Брянской, Смоленской и Курской об-

ластях).

Главными участниками этого завоевательного марафона русские летописи называют радимичей, которым досталась долина реки Сож, и вятичей, захвативших оба берега Сейма и верховья Оки⁴⁹.

Первыми проникали в чужую этническую среду торговцы и охотники за пушниной. Вслед за ними шли дружины славянских князей. Они облагали туземцев натуральным или денежным налогом и силой подавляли малейшее сопротивление⁵⁰. Семьи и родовые кланы, которых у славян были тысячи, шли за первопроходцами вторым и третьим эшелонам.

В то же самое время, то есть в IX – начале X вв., по правую сторону Днепра на балтов наступали дреговичи. Они форсировали Припять и сильно потеснили здешних туземцев. О несомненном успехе дреговичей свидетельствуют курганы с трупосожжениями и лепной керамикой IX – начала X вв., появившиеся с их приходом⁵¹. Выжившие в столкновениях с ними остатки балтов вынуждены были покориться дреговичам, как доминирующему народу. Таким образом, Среднее Поднепровье стало первой значительной колонией, которую захватили и присвоили славяне, прибывшие сюда с Дуная, Днестра и из Западного Прикарпатья.

Освоившись в приднепровских лесостепях и навсегда закрепив за собой эту землю, славяне приступили к следующему этапу колонизации. В верховьях Днепра и Оки, в зо-

не густых труднопроходимых лесов вплоть до IX в. против них держали оборону балты тушемлинской и колочинской культур⁵². Мы уже знаем, что с этой задачей они не справились. Истоки Днепра и Оки стали тем местом, куда подошли два мощных колонизационных потока – южнославянский с Дуная и киевского Днепра, и северный, костяк которого составляли венеды.

Балтам нечего было противопоставить двойному натиску колонистов, и к началу IX в. материальная культура тушемлинских и колочинских поселений погибла в огне пожаров⁵³. На месте сожженных балтских построек славяне возвели собственные дома.

Археологи указывают, что строительству славянских поселений предшествовали либо пожарища, либо стерильный слой земли, нанесенный ветром на запустевшие места⁵⁴.

Благодаря численному превосходству и действиям своих князей, славяне прочно укрепились на Верхнем и Среднем Днепре, а также на его главных притоках. Обилие полноводных рек, в долинах которых они селились, способствовало их территориальному разъединению. Каждый славянский народ формировался в собственной зоне обитания. Это было очень важно для славян, так как позволило им избежать излишних ссор и столкновений в тот момент, когда они начали создавать свои варварские государства.

Венедский след на северо-востоке. Ильменские славяне и финская чуждь

Северный переселенческий поток был создан, в основном, славянами венедской группы, шедшими в Восточную Европу из Висло-Одерского междуречья.

Основу венедского массива переселенцев составляли кривичи. Они были самым многочисленным из славянских народов, вторгшихся на земли восточных балтов и финнов. Еще в V в. часть кривичей завладела долиной реки Великой и заселила Псковское городище⁵⁵.

Археологи утверждают, что первые переселенцы гораздо лучше поладили с туземным населением, чем колонисты VII–VIII веков. Битвы были не столь кровопролитными, многие сохранили свою жизнь, и два народа – пришлый и местный – даже попытались слиться в единую общность⁵⁶. Следующую пару сотен лет Псков оставался крайним пограничным пунктом на пути кривичской колонизации Восточно-Европейской равнины, поддерживал связи с венедомы Вислы и Одера и ждал от них подкрепления.

Однако столетия спустя первыми к ним подоспели славяне из южной переселенческой группы. Это были ильменские или новгородские славяне, чудом добравшиеся до самой северной точки славянской колонизации.

Потеснив финноязычную чужь, южане столкнулись с псковскими поселенцами. Те и другие были людьми, говорившими на одном языке и верившими в одних и тех же богов. Так как же повели себя сильные и многочисленные новгородцы, наткнувшись на кучку своих дальних родственников? К сожалению, вместо объятий и рукопожатий между антами и венедами (ильменцами и кривичами) вспыхнула непримиримая вражда, полетели навстречу стрелы, дружины ошестинились копьями и запылали пожары.

Одним из первых, кто понял, какой катастрофой обернулись ранние контакты ильменцев и псковичей, был историк XIX в. Н.И. Костомаров. Его анализ событий звучит как поминальная молитва о мифическом единении древних славян. В результате развернувшейся истребительной войны псковские кривичи были полностью уничтожены. В этом страшном деянии было поистине что-то ритуальное, и долго еще псковские земли, словно проклятые, лежали в запустении. Лишь многие годы спустя новгородцы организовали на Псковщине свою торговую колонию⁵⁷.

В VII–VIII вв. новые потоки кривичей, вытесняя и истребляя туземцев, заняли территорию современной Беларуси, основали город Полоцк, дошли до верховьев Днепра и Волги и встретились с радимичами около Смоленска.

Когда венеды приблизились к владениям ильменских славян, отношения между «братьями» вновь не заладились. Но теперь перевес сил был на стороне кривичей. Частые ссоры

заканчивались их победами: не случайно данные генетики указывают на венедские корни многих современных новгородцев⁵⁸. Вспышки конфронтации между кривичами и новгородцами, о которых смутно сообщает «Повесть временных лет», стали однажды причиной, по которой на славянском севере появился русский князь Рюрик.

Великий Новгород приглядывается к соседям

С X в. в жизни ильменских славян особую роль начинает играть Великий Новгород. Сначала это был скромный городок, построенный на землях финской чуди и быстро выросший на транзитной торговле между Скандинавией и Каспием.

На первых порах у Новгорода было несколько волостей, с которых вечевого город собирал дань пушниной и другими дарами природы. Очень скоро Новгород стал процветать благодаря выгодному географическому положению. Его значение усилилось, когда к волжскому торговому пути присоединился путь «из варяг в греки», шедший по Волхову и Днепру до Черного моря. Оба маршрута пересекались в Новгороде, и перед новгородцами открылись широкие возможности, среди которых самой привлекательной была выгодная торговля данью. Новгородцы строили далеко идущие коммерческие планы, но для их воплощения нужно было заво-

евать как можно больше соседних земель и получать с них как можно больше дани.

Необозримый простор для действий давали Новгороду северное и северо-восточное направления, где на огромных территориях от Ладоги до Уральских гор обитали разрозненные финно-угорские племена: от чуди и корелы на севере до мери и черемисы на востоке. Финно-угры в основном занимались охотой, и это было на руку новгородским купцам.

В итоге одним из направлений территориальной экспансии новгородцы выбрали север и северо-восток европейского континента. Это не означало, однако, что из сферы их интересов выпали жители Прибалтики. Нам еще предстоит подробно рассмотреть длительную череду колониальных войн Новгорода с предками современных эстонцев и латышей.

Не племена, а территориальные образования

В результате бурных процессов этнообразования к IX в. в западном и восточном Приднестровье сформировалось больше десятка славянских «племен», названия которых известны по «Повести временных лет». Мы привыкли произносить слово «племя» и подразумевать под ним массу кровных родственников, подчиненных родовому старшине. Однако в IX в. это было уже не так. То, что начальная летопись называла «племенами», в действительности являлось ранни-

ми славянскими государствами с территориальным принципом управления. (Дальше я буду называть их протогосударствами.)

Славяне VIII–IX вв. переросли узкие рамки родо-племенного строя. В процессе переселения они потеряли связь со старыми родственниками и поселились на новых землях вразнобой, кому где придется. Им заново пришлось налаживать между собой социальные связи.

Как считал видный советский историк М.И. Артамонов: «Племенной организации ко времени колонизации не было даже в областях со сплошным славянским населением, там господствовали территориальные образования с незначительными локальными различиями... Поэтому возможностей для возникновения племен в новых областях славянского расселения не было: этнические образования там формировались на территориальной основе»⁵⁹.

Говоря другими словами, к IX в. на Восточно-Европейской равнине сформировался не единый славянский народ, а возникло около полутора десятков самостоятельных народов, каждый из которых строил свое собственное протогосударство. То, что у нас до сих пор принято называть славянскими «племенами», на самом деле было зародышем территориальных княжеств с сильным земским началом в политическом устройстве. В этих зачаточных государствах власть строилась на выборной основе, мнение земель преобладало, а славянские рексы-цари были лишь верховными исполни-

телями воли народа⁶⁰.

Глава IV

Что было не так в славянском мироустройстве

Отвоевав у балтов Восточно-Европейскую равнину, славяне в целом ухитрились избежать межплеменных конфликтов и сумели сохранить мир в зоне своего обитания. Столкновения кривичей и новгородских славян – это, пожалуй, единственный случай военной конфронтации колонистов, отмеченный в древних источниках. Но только не стоит думать, что остальные славяне, до крайности возлюбив друг друга, вложили мечи в ножны и навеки зареклись от пограничных столкновений. Тогда почему же они не воевали?

Первый и главный ответ на этот вопрос дает нам обширная география Восточно-Европейской равнины. Славяне просто не смогли заселить ее целиком, настолько велика была их новая родина. Они расселились по удобным местам, достаточно удаленно друг от друга, чтобы не сталкивать лбами вновь формирующиеся народы. Благодаря этому выгодному обстоятельству, восточные славяне получили время заняться мирным обустройством и потратили его на созидательную работу. В довольно короткий срок они создали дюжину самостоятельных протогосударств с политически сильным населением и подконтрольной властью выборных

князей. В эпоху перемен массы всегда играют более значимую роль, чем в период политического застоя. Древние славяне почувствовали нерв времени и начали самостоятельно устанавливать для себя нормы и правила жизни. Благодаря их массовой политической активности в VIII–IX вв. сложились правила, по которым самый последний славянский «родовладыка» был фигурой уважаемой и пользовался правом голоса на вече. Вечевой строй стал прочной основой древнеславянских протогосударств. Все вожди у славян были выборные, и даже княжеская власть подчинялась вечевым устоям, важнейшие решения принимались большинством голосов лично свободных людей.

Славяне бережно относились к институту выборности и самоуправления. Их демократия начиналась на уровне отдельных поселков. Соседние поселения объединялись в сотни, сотни складывались в тысячи и на самом верхнем уровне через выборных делегатов входили в союзы племен⁶¹.

Благодаря развитому народовластию славяне создали уникальный общественный строй, который можно было бы назвать народной или варварской «демократией». На «миру», в центре общеземельного союза для решения важных дел собирались представители местных территориальных общин. «Мир» выбирал «градских старцев», старейшин и «лучших людей» – администраторов, отвечавших за порядок в городе и округе. Там же избирался князь – начальник и командующий мирскими силами обороны. На «миру» раз-

бирали тяжбы родовых старейшин, судили провинившихся и обрекали виновных на «изгойство»⁶².

Крупный ученый, историк и археолог *В.В. Седов* потратил пять лет жизни на пешие экспедиции и обследование древних поселений бывшего Смоленского княжества. Он выявил, что в VIII–XI вв. смоленские славяне жили в крупных, неукрепленных поселках, занимались земледельческим трудом и почти не опасались пограничных войн.

В каждом административном центре, объединявшем несколько территориальных славянских общин, имелось лишь одно городище-укрепление⁶³, но оно никогда не использовалось для защиты от соседей. Это было место, где собиралось земское вече, где сидел князь со своей дружиной, отправлялись культовые ритуалы и где в курганных могильниках находили покой умершие сородичи⁶⁴.

Огромные пространства и непроходимые дикие леса долго изолировали восточных славян друг от друга и спасали их от конфликтов. «Разыдися», как сказано в *Лаврентьевской летописи*, «и живяху кождо с своим родом и на своих местех...»⁶⁵, древние славяне в конце VIII–IX вв. начали массово менять квалификацию и из «кочующих земледельцев» превращаться в стационарных производителей продовольствия, не теряя, конечно, связи с лесом и его огромной продуктовой базой.

Становление славянских протогосударств в качестве са-

мостоятельных очагов мирного созидательного труда подтверждается, в том числе, методами лингвистики: филологи зафиксировали у восточных славян развитие языковых диалектов⁶⁶.

Поборники самоуправления

Принцип выборности создавал условия для взаимного доверия и способствовал сохранению равенства среди политического устройства восточных славян. Из-за территориального характера древнеславянской общины даже у славянской знати не было длинных родословных. В лучшем случае родственники помнили какого-нибудь дальнего предка, чем и ограничивалась их «любовь к отеческим гробам». Длинные генеалогии нужны, чтобы доказывать древность рода. Но в территориальной общине старейшины получали должности не по наследству. Они избирались⁶⁷ по текущим заслугам, и список усопших родственников мало влиял на результаты выборного процесса.

В рамках территориальной общины, да еще при наличии многоженства, распространенного у восточных славян, в основном преобладали горизонтальные связи (родственные и гражданские), а родовые (от сына к отцу) играли второстепенную роль⁶⁸. Территориальная община давала возможность славянам ассимилировать остатки завоеванных народов, но она же толкала их к замкнутости. Браки, за очень

редким исключением, заключались внутри общины, делая ее более консервативной. Даже сотни лет спустя этнографы отмечали у потомков кривичей крайнюю настороженность к внешнему миру. В конце XIX в. белорусские крестьянки считали «чужой стороной» деревню мужа, если она находилась далее пяти-шести верст от места их проживания⁶⁹.

Благодаря появлению летописей, для X и последующих веков ученые получили письменную информацию о типе управления у ранних восточных славян.

Летописные источники подтвердили, что их власть строилась на делегировании полномочий по принципу пирамиды, заполняя сначала низшие уровни, а затем через цепь выборных представителей замыкаясь на городских старейшинах.

Традиция избирать «десятских», «пятидесятских», «сотских», «тысяцких» и «лучших людей» была так сильна, что в Киевской Руси с ней приходилось считаться не только славянским князьям, но и заменившим их вскоре русам. Так, в конце X в. киевский князь Владимир I приглашал на свои пиры всех представители городского самоуправления, начиная с самой низшей ступени общественной власти⁷⁰.

Схожая картина местной автономии наблюдалась у славян северной Руси, что видно по документам более позднего времени⁷¹. Земская власть заменяла славянам бюрократию и в ее отсутствие неплохо справлялась с поставленной задачей.

Славянские протогосударства IX в. по географическим

размерам превышали большинство европейских стран своего времени. При этом, как уже говорилось, они обладали большой территориальной емкостью и долго еще могли расти без пограничных столкновений с соседями.

Экономические потребности населения в ту пору ограничивались натуральным хозяйством; считалось нормой, что все необходимое для жизни дает человеку возделываемый кусок земли. Выборная славянская власть измеряла политику областными мерками и в силу своего «мирского» характера больше не ставила перед собой экспансионистских задач.

Ни в VIII, ни в IX вв. восточные славяне не предпринимали попыток объединиться в большое государство. Во всяком случае, исторической науке такие попытки не известны.

Славянские князья

Параллельно с выборной властью у славян существовала власть князей. На первый взгляд, между народной демократией и княжеским авторитаризмом должны были возникать конфликты. Начиная со второй половины IX в., когда великокняжеская власть перейдет к Дому Рюрика, именно так и случится. Ну а пока славянские князья, близкие по крови и духу к своему народу, в целом дополняли складывающуюся картину политического народоправства.

Наши сведения по этому вопросу необычайно скудны, а их интерпретация запутана. Но в целом можно считать, что

славянские племенные князья были схожи по своему положению с византийскими дуками, независимыми вождями, власть которых превышала полномочия родовых старейшин, но не достигала уровня абсолютного монарха⁷².

Арабский ученый-энциклопедист первой половины X в. Ибн-Русте указывал, что у славян существовал главный князь, именовавшийся титулом «раис раисов», то есть «старший», «наибольший правитель», «князь князей»⁷³. Другой арабский ученый, Гардизи, сообщал, что славянские князья были наделены правами вершить судопроизводство и применять меры наказания к подданным (от смерти до ссылки на границы владений)⁷⁴. Известно мнение, что славянские князья – вдобавок к другим полномочиям – обладали еще и религиозной властью. Не зря автор трактата «Худуд ал-алам» писал: «Послушание [главе славян] является обязательным, согласно религии». Титул «свет» или «свят», предшествовавший княжеским именам, означал «князя-жреца»⁷⁵. То есть славянские князья составляли отдельную ветвь власти, ведавшую обороной, военными операциями, судом и религиозными делами. При этом они не были абсолютными властителями славянских земель и делили властные полномочия с выборным вечем – полноценным древнеславянским сенатом.

Сложившаяся у восточных славян форма политического властвования, основанная на народной демократии, разви-

валась с участием всех социальных слоев и политических групп общества. К величайшему сожалению, уже с середины IX в. она стала разрушаться мощными силами извне и в скором времени оказалась настолько искаженной, что о ее самостоятельном развитии не могло быть и речи.

Так что же было не так в славянском мироустройстве? Почему в начале главы я задал этот вопрос? Ведь все, что в ней изложено, казалось бы, говорит об обратном: о том, что древние славяне шли по правильному пути, создавая варварские государства на территориально-общинной основе.

На самом деле в этом отношении к ним никаких вопросов нет. Славяне предоставили возможность свободно эволюционировать своим политическим институтам. Не исключено, что через сотни лет это позволило бы им объединиться в некое подобие конфедерации или союза независимых государств и обрести силу в противостоянии любому врагу. Однако в IX–XI вв. никакого общеславянского союза не существовало. В этом, собственно, и заключалась проблема славянских протогосударств VIII–IX вв. – при всей их многочисленности, они были разъединены на части и представлялись легкой добычей для сильного агрессора.

Глава V

Куявия до начала войны севера с югом

Когда колонисты из Волыни переселялись на левый берег Днепра, часть из них не пошла так далеко на восток, как это сделали радимичи, вятичи и новгородские славяне. Нашлись и те, кто бросил якорь на днепровском берегу и связал жизнь с границей между лесом и степью.

В скором времени эти люди основали город Киев и сделали его своей столицей. Здесь, в ближайшем соседстве с кочевниками Северного Причерноморья, сформировались в качестве единого народа *киевские поляне*. Редко кто обращает внимание на то, что поляне были пограничным народом, из-за чего часто сталкивались со степными кочевниками.

Всего в двух днях пути к югу от Киева начиналось дикое, зловещее «Поле». Этим словом русские летописи с почтением называли огромную причерноморскую степь, страшную и опасную своим беспокойным населением. Как я уже говорил, с первых своих шагов на новом месте поляне активно сотрудничали с Хазарским каганатом, который в VII–X вв. безоговорочно доминировал в Северном Причерноморье. Киевляне платили хазарам дань в обмен на покровительство, однако в целом не испытывали от этого особых за-

труднений. Они даже сумели обернуть недостатки зависимого положения в свою пользу.

Хазары, славянская демография и город Киев

«Неразумные хазары», победой над которыми у нас принято гордиться, лишь в начале своего господства были непобедимыми воинами и кочевниками. Очень скоро они отбросили варварские привычки и от войн и территориальных захватов перешли к более цивилизованным формам обогащения. Научившись у еврейских купцов-радхонитов азам международной торговли, хазары стали обслуживать транзит товаров в низовьях Днепра и Волги, которые, как мы помним, были частью их территориальных владений.

После расправы над кутригурами власть над славянами нужна была хазарам по двум важным причинам. Сделав их своими пактиотами (союзниками) хазары пресекли возможность славянского речного пиратства и гарантировали спокойное движение транзитных судов по Днепру и его притокам, а возложив на них дань, могли получать товары, пригодные для внутренней торговли или экспорта. Поскольку торговля приносила ощутимый доход, хазарам был выгоден рост славянской популяции. Чем больше домохозяйств появлялось в славянских поселках, тем большим становился объем хазарского оброка, собиравшегося, как сказано в ле-

тописи, с каждого дома⁷⁶.

Находясь под защитой Хазарского каганата, днепровские поляне прожили в относительном спокойствии несколько благополучных десятилетий. Благодаря миру Киев становился центром притяжения для наиболее активной части жителей соседних земель. Эта же самая причина – тишина и спокойствие мирной жизни – вызвала существенный демографический рост киево-полянского княжества.

Имеются примерные оценки Л.Н. Гумилева, согласно которым в XI в. славянское население Киевской Руси превышало пять млн человек⁷⁷. Немалая часть этих людей, скорее всего, обитала поблизости от столицы. Короче, хазарский протекторат позволил киевским славянам взять длительный тайм-аут, накопить силы, вырасти численно и уже после этого отказаться от надоевших «услуг» своих волжских хозяев.

Киевский каганат – славянский...

К началу IX в. киевские поляне освободились от хазарского влияния.

Вокруг Киева стало складываться самостоятельное государство, которое вполне могло называться Киевским каганатом, учитывая, что его столица находилась в Киеве, а титул «каган» среди киевских властителей был в ходу в XI и даже в XII веке.

Сбросив с плеч хазарское «иго», киевские славяне повели

себя довольно странно. Вместо того, чтобы сконцентрироваться на мирном ремесле и земледелии, они вернулись к традициям своих предков и начали совершать опустошительные набеги в Крым, на южное побережье Черноморья и даже на острова Эгейского моря, лежащие за Босфором⁷⁸.

В середине IX в. они уже прославились между другими народами как сильные и бесстрашные моряки. К ним теперь обращались за помощью главы иностранных государств. Как свидетельствует известный арабский путешественник, географ и историк аль-Якуби, в 854/855 г. после того, как днепровские славяне опустошили берега Черного моря, к ним в столицу за военной помощью потянулись послы из кавказских стран⁷⁹.

Открытие торгового пути «из варяг в греки», пришедшее на первую половину IX в.⁸⁰, происходило, по-видимому, при непосредственном участии днепровских славян. Важнейшим эпизодом в ходе освоения этого маршрута стал большой военный поход 860 г., организованный киевлянами на Константинополь. «Повесть временных лет» приписывает его инициативу киевским князьям Диру и Аскольду⁸¹. Арабский географ аль-Масуди называл Дира первым из славянских князей. При нем Киевское княжество имело «обширные города и многие обитаемые страны», мусульманские купцы торговали в его столице разными товарами⁸².

...или же Киев был русским?

То, что днепровские славяне обрели независимость от хазар и в первой половине IX в. создали собственное славянское государство с явно выраженными агрессивными чертами, не должно вызывать у нас особых сомнений.

Во-первых, это подтверждается источниками. Что же касается агрессии, то она проявлялась у славян еще во времена византийских войн. То, что Дир был князем славянского происхождения, подтверждает сам аль-Масуди. Но если перейти от арабских источников к древнеславянским и, в частности, к «Повести временных лет», тут же начинают возникать неразрешимые проблемы.

Нестор называет основателями Киева братьев Кия, Щека и Хорива и, судя по всему, считает их славянами⁸³. А вот Дир и Аскольд, по версии Нестора, это варяги из ближнего окружения Рюрика, отпросившиеся у него, чтобы идти на Царьград⁸⁴. Двигаясь на Константинополь, и, соответственно, спускаясь вниз по Днепру, сподвижники Рюрика наткнулись на Киев, оценили значимость этого города, захватили в нем власть и начали «владеть польской землей»⁸⁵.

Нестор специально подчеркивал, что Аскольд и Дир были не славянскими князьями, а «боярами» князя Рюрика⁸⁶. Как видим, русский источник придерживается «варяжской»

версии происхождения Аскольда и Дира, подразумевая, что изначально оба они вместе с Рюриком были призваны в Новгород из неведомых «заморских» стран. Запомним эту версию и двинемся дальше.

Как я уже говорил, в отличие от Нестора арабский ученый аль-Масуди, писавший раньше киевского летописца, осведомлен о Дире, но ничего не знает об Аскольде. Исходя из этого наблюдения, в научных кругах высказывалась догадка, что Дир и Аскольд жили в разное время и никогда друг с другом не встречались⁸⁷.

Возможно, Дир действительно был славянином и принадлежал к династии Кия. Что же касается Аскольда, то он, скорее всего, родился не в Киеве и явился на днепровские холмы как завоеватель или приглашенный воевода откуда-то с северо-запада Европы.

Более того, из источников известно, что поход 860 г. на Константинополь организовали русы, а не славяне. Следовательно, Аскольд, как его инициатор, скорее всего тоже был русом. Константинопольский патриарх Фотий, современник событий 860 г., указывал, что русы (русь), прежде чем напасть на Византию, сначала покорили окружавшие их народы⁸⁸. Может быть, в число завоеванных туземцев попали, в том числе, киевские поляне?

Однако как можно было доверять только что побежденным врагам и брать их в военный поход? На мой взгляд, дело могло обстоять вот как: славяне Дира и русские дружины Ас-

кольда встретились около Киева, но в сражение не вступили. Они поладили дело миром и заключили договор о совместном нападении на греков. Иначе трудно объяснить, как бы потенциальные враги без трений, стычек и конфликтов могли добраться до преславного Царьграда и не перебить друг друга, скажем, при дележке богатой добычи.

В «Житии Стефана Сурожского» (XV в.) упоминается русский князь Бравлин из Новгорода, который привел русов в Крым штурмовать Сурож-Судак. Согласно «Житию», случилось это на рубеже VIII–IX веков⁸⁹.

Выходит, Аскольд был не первым и не единственным вожаком русов, ходившим в первой половине IX в. по Днепру и знавшим о существовании киевских полян. Уже во времена Бравлина русы, посещавшие средний Днепр, обладали военной мощью, сопоставимой с силами киевлян. «Повесть» сообщает, что в поход 860 г. отправилось двести кораблей, а по данным «Венецианской хроники» Иоанна Диякона, их было триста шестьдесят⁹⁰. Надо полагать, что не менее половины всех судов принадлежало русам. Ведь оказались славяне в большинстве, кто знает, как бы они поступили со своими вынужденными союзниками.

Дуумвират

Существует мнение, что после 860 г. русы не задержались в Киеве и покинули его так же неожиданно, как и появи-

лись⁹¹. В действительности, немалая часть русов осталась господствовать в Киеве, избрав своим князем Аскольда. Славянский князь Дир к этому моменту, возможно, уже умер. Нельзя исключать, что его могли убить по приказу Аскольда. Третье предположение состоит в том, что русы мирно отстранили Дира от реальной власти. Это вполне могло случиться, если Дир был откровенно слабым правителем.

С другой стороны, идея «два народа – два князя» (дуум-вират Аскольда и Дира) находит подтверждение в русских источниках. В Никоновской летописи говорится, что в 865 г. Аскольд и Дир вместе ходили на Полоцк и сотворили там много зла⁹². Согласно этой же летописи, в 867 г. Аскольд и Дир успешно воевали со степью⁹³. В 866 и 876 гг. оба князя фигурируют в летописи, как организаторы новых походов на Константинополь⁹⁴. Последним аргументом в пользу версии о соправлении славянского и русского князей является, ставшее хрестоматийным, сообщение «Повести» об убийстве Аскольда и Дира Олегом Вещим в 882 году⁹⁵.

Отдельно от Дира Аскольд упоминается в источниках в связи с убийством его сына болгарами в 864 году⁹⁶. В «Истории» В.Н. Татищева есть известие о том, как в 867 г. Аскольд победил кривичей⁹⁷. Итак, у нас имеются веские основания считать реальным присутствие русов во главе с князем Аскольдом в Киеве как минимум после 860 года.

Язычник Аскольд или христианин Николай? Было ли у Аскольда христианское имя?

Пока русы Аскольда обитали в Киеве, многие из них успели креститься. Крещение происходило не где-нибудь, а в самом Константинополе!

Продолжатель Феофана, говоря о нападении русов на столицу Византии в 860 г., между прочим сообщает, что вскоре русы прислали в Константинополь послов с просьбой о крещении, которая была тут же исполнена⁹⁸. Никоновская летопись относит новообращение русов к 876 году⁹⁹. Легенда сообщает, что среди крестившихся был и князь Аскольд. «Повесть» прямо указывает на его христианство, говоря, что на могиле Аскольда в Киеве некий Олма возвел церковь Никола¹⁰⁰.

Так что первым русским князем, принявшим христианство, как элемент византийского образа жизни, была не Ольга, не ее внук Владимир, а Аскольд киевский, крестившийся под именем Николая. При нем христианство получило среди русской знати такую поддержку, что уже в 867 г. из Византии отправился к ним служить особый епископ¹⁰¹.

Крестившись, придворные князя Аскольда стали проявлять растущий интерес к высокой греческой культуре. Ви-

димом, это они выступили коллективным заказчиком написания для них русской азбуки. Так что зря удивлялся просветитель Кирилл, когда обнаружил в Херсоне Евангелие и Псалтирь, «роусьскими письмены писана»¹⁰². Перевод главных христианских книг на язык днепровской руси в середине IX в. мог произойти только в Киеве, центре независимого славянского княжества с утвердившейся в нем династией русов и русской дружиной во главе.

Поляне не были славянами?

Все, кто когда-либо интересовался ранней русской историей, знают, что киевские поляне – это одно из полутора десятков восточнославянских племен, от которых в дальнейшем пошла Киевская Русь. До сих пор я и сам называл их славянами антского происхождения и не разрешал себе в этом усомниться. Однако что, если это не так? Что, если существуют сведения, способные пролить новый свет на историю возникновения полянского народа и доказать, почему русы Аскольда с легкостью получили власть над Киевом и до поры до времени пользовались поддержкой большинства киевлян?

В отечественной исторической науке существует целая традиция отождествлять русов не с северными людьми (норманнами) и не со славянами, а выводить их корень из кельтской этнической среды. Два советских историка (А.Г. Кузь-

мин и Е.В. Кузнецов) рискнули предположить, что отдельные группы русов (или ругов) впервые появились на юге и юго-востоке Европы еще в III в. нашей эры. По их мнению, к моменту, когда эпоха Великого переселения народов подошла к концу, на карте континента можно было насчитать более десяти «Ругий» и «Русий»¹⁰³.

В Поднепровье и Подунавье русы постепенно сблизились с местными славянами, но – обратите внимание! – их слияние нигде не было полным. Русы считали себя аристократическим слоем, сохраняли родовые привычки, нормы и традиции в неприкосновенности и держались на дистанции от славян. Одной из устойчивых особенностей сообщества русов была жесткая иерархия их социальных отношений. Причина врожденного чиноначалия русов заключалась в господстве у них кровно-родственной семьи.

Самая ближняя к нам «Русия», окруженная со всех сторон славянскими народами, располагалась в восточных отрогах Карпат. Эта полулегендарная страна принадлежала днепровской руси и называлась «Ругиландом».

Когда необходимость заставила русов и славян переселиться в район Киева, выходцы из Ругиланда заняли в новом социуме подобающее им аристократическое положение и установили свою власть в городе. Не исключено, что некоторое время они составляли большинство населения в Киеве, и это сказалось на распространении их бытовых порядков.

Такой вывод не кажется слишком надуманным, если внимательно прочитать отрывок из текста «Повести», в котором автор сравнивает брачные обычаи киевских полян и других восточнославянских народов. Из летописного рассказа видно, насколько сильной была у полян власть родителей над детьми. Брак у них был покупным и заключался отцом и матерью. У всех же остальных славян женихи и невесты сами решали свою судьбу во время ежегодных «игрищ между селами»¹⁰⁴.

И это еще не все.

Если сравнить нормы обычного права, действовавшие у полян, с нормами других народов, станет ясно, что они ближе к германским, чем к славянским порядкам. Наибольшее совпадение наблюдаются с «Баварской правдой», составленной германцами в VII–VIII веках¹⁰⁵.

Автору «Повести», жившему в Киеве на рубеже XI–XII вв., непохожесть сограждан на других обитателей киевской державы была настолько очевидна, что он трижды повторил в тексте летописи, что поляне живут особо от других славянских племен¹⁰⁶.

Совокупность приведенных сведений заставляет думать, что Нестор, описывая в «Повести» своих земляков, подразумевал под полянами не чисто славянское, а славяно-русское население, во второй четверти X в. переселившееся в Киев из Подунавья¹⁰⁷.

В произошедшем этническом смешении ранних и новых поселенцев, а также в длительных культурных контактах славян и русов, возможно, кроется объяснение той легкости, с которой Аскольд завладел Киевом. Он и его дружинники не были чужими для киевлян людьми и могли «склонить» их к общежитию, опираясь на исторически сложившийся авторитет.

Как бы то ни было, пришли они в Киев вместе со славянами или «напросились» к ним в правители позже – в любом случае кельтская версия происхождения русов дает возможность говорить о контактах доверявших друг другу народов. При таком подходе славянские «внуки» Кия и русы Аскольда вполне могли поладить между собой миром и разделить власть пополам.

Аскольд – узурпатор и создатель Куявии

Не исключено, однако, что версия о кельтском происхождении русов уводит нас в сторону от правильного ответа. Возможно, не было никакого родства и даже отдаленного знакомства между русами и киевскими славянами. Может быть, правы те, кто, как и Нестор, считают Аскольда варягом-узурпатором, оккупировавшим славянский город и подчинившим с помощью варяжских дружин сначала киевлян, а потом и другие славянские протогосударства.

Арабские писатели из группы аль-Балхи (аль-Истахри,

Ибн-Хаукаль и другие достопочтенные лица)¹⁰⁸, хорошо знали, что в середине и начале второй половины IX в. существовала страна Куявия с центром в Киеве и городами Черниговом и Переяславом на периферии. Главой этого объединения они называли руса Аскольда. Древляне, дреговичи и некоторые «колена» северян были подданными этого князя и должны были платить ему дань¹⁰⁹. Русы получали от славян в основном натуральную ренту и активно искали рынки для ее сбыта. (Не исключено, что дело обстояло иначе, и в первую очередь они искали добычу, рынки для которой были им уже известны.)

Говоря экономическим языком, русы хотели монетизировать свои конкурентные преимущества, главным из которых являлась их удивительная способность к завоеваниям. Лучшим местом для торговли награбленным были в те времена базары византийской столицы. Туда и устремился Аскольд, увлекая за собой киевских славян.

Править страной и не искать общих целей с ее населением – удел глупцов. Аскольд, видимо, нашел общий язык с киевлянами и знатью других славянских народов. Вместе с ними он пробил брешь в византийской обороне, установил с греками торговые контакты и стяжал славу победителя Империи. Договор Византии и Куявии 876 г. был подписан по всем правилам греческой дипломатии¹¹⁰, что указывает на внешнеполитический вес первого кагана славян и русов.

Следует добавить, что константинопольские походы Аскольда сопровождались грабежом и невиданной жестокостью по отношению к жителям Византии. Что касается славян, то можно ли было ждать от них чего-то иного? Они действовали в духе предков, терзавших Империю еще в V–VII веках. Но русы, эти великие воины, эти аристократы духа, люди, чье имя мы с гордостью носим, ни минуты не сомневаясь в его чистоте?! Как они вели себя на полях сражений? Что, вообще, они представляли собой? Какими были и к чему стремились?

Далее я постараюсь ответить на эти вопросы максимально подробно и покажу, что русов можно считать истинными «художниками» грабительского ремесла, многократно превосходившими славян по части войн, захватов и насилия.

Неуловимые русы

Я изложил несколько версий о русах и их первых контактах со славянами совсем не для того, чтобы кому-то заморочить голову. Так я лишь хотел показать, что скудные и противоречивые источники не дают возможности сделать единственный вывод о природе Аскольдовой руси. Русы могли быть и западными славянами-ободритами и кельтами (северными иллирийцами) и скандинавами. Из-за огромных пробелов в ранней истории руси право на существование имеют самые разные версии. В том числе те, что связывают Ас-

кольда родственными узами с Рюриком или Рагнаром Лодброком¹¹¹.

Но есть все-таки нечто общее, что мы можем вынести из исторических рассуждений о русах и взять это себе на вооружение. Кем бы ни были воинственные русичи, откуда бы они не явились, в отношении славян и других народов Восточно-Европейской равнины они являлись завоевателями, «находниками», как назвал их Нестор, и это стало отправной точкой начавшейся со второй половины IX в. русской экспансии.

Русы (они же варяго-русы) во множестве оседали в приднепровских и волховских торговых городах, наполняли их в большом количестве и со временем «образовали густой слой в составе их населения, закрывавший собой туземцев»¹¹². Русские князья могли формировать из них целые ополчения, с которыми отваживались нападать на Царьград.

По словам «Повести», новгородцы и киевляне, сначала бывшие славянами, потом превратились в варягов, «как бы оваряжились вследствие усиленного наплыва пришельцев из-за моря»¹¹³. Так было уже в середине IX века.

Если считать горожан и жителей деревни людьми из разных классов, то можно, пожалуй, сказать, что в IX в. на Руси возникло классовое общество. Только в отличие от стандартной процедуры классообразования, русы, осевшие в городах, были иноземными завоевателями, а земледельцы-сла-

вяне — завоеванными туземцами.

И если продолжать эту параллель, то можно увидеть, что IX–X вв. русы создали на Днепре, Волхове, верхней Волге и Оке империю даннического типа, захватив в ней все господствующие позиции; империю, в которой славянские протогосударства превратились в завоеванные колонии, лишились самоуправления и попали под жесткий контроль русов во главе с семейством Рюриковичей.

Сама эта идея, считать Древнерусское государство империей, не так уж и нова. Еще В.О. Ключевский в начале XX в. утверждал, что Киевская Русь возникла как «городовое и торговое» государство¹¹⁴, для создания которого требовалось, чтобы городские торговые классы подчинили себе славянские области и получали бы от них дань для продажи. Около тридцати лет спустя, в конце 1930-х гг. советский академик Б.Д. Греков однажды назвал Киевскую Русь «империей Рюриковичей» и попытался сравнить ее с империей Карла Великого¹¹⁵.

К сожалению, эта плодотворная мысль не нашла поддержки в академических кругах и надолго вышла из научного употребления.

Советские историки старались отождествлять русов и славян и, как могли, сглаживали их очевидные различия. Поэтому мимо их глаз незамеченными прошли целые десятилетия, в течение которых русы готовили захват власти в славянских и финно-угорских землях Восточно-Европейской равнины.

Часть вторая

Становление

Глава VI

«Мы от рода Рускаго». Рюрикова русь – начало экспансии

Первое знакомство: русский дебют в Амастриде

Самое первое упоминание о руси в исторических источниках относятся к 30-м гг. IX века. В «Бертинских анналах» изложена история о том, как 18 мая 839 г. к императору франков Людовику Благочестивому в город Ингельгейм на Рейне прибыли люди, утверждавшие, будто они происходят из народа «Рос». Росы сообщили Людовику, что их король именуется хаканом, и просили пропустить через земли франков.

Путь этой горстки путешественников лежал из Константинополя, где росы от имени своего короля встречались с византийским императором. Людовик начал расспрашивать

их более подробно и выяснил, что все эти люди, как бы они себя не называли, на самом деле «свеи» и говорят на чистом шведском языке. Чтобы вернуться на родину, они выбрали путь через Центральную Европу и таким образом оказались на Рейне¹¹⁶.

Исходя из этих сведений, историки делают несколько значимых выводов. Важнейший из них состоит в том, что уже в первой половине IX в. на севере Восточной Европы существовало влиятельное государство русов – «Русский каганат», откуда пришли и куда возвращались русские послы. Предположительно, русы во главе скаганом базировались где-то в районе между Ладогой, Смоленском и Ростовом.

Другой вывод связан с вопросом о целях поездки русских послов в Константинополь. В самом деле, зачем они ходили в такую даль, да еще в столь тяжелый для Империи год? Ведь в это время Византия проигрывала войну арабскому халифу ал-Мутасиму и являлась легкой добычей для любого агрессора.

Есть мнение, что русы прибыли в Константинополь со шпионскими целями. Именно так расценил их появление в своей столице император Феофил. Людовик Благочестивый, к которому были переправлены гости.

В Империи отнеслись к русским послам, как к вражеской агентуре, и поспешили выдворить из бухты Золотого рога¹¹⁷. Миротворившим с виду росам (а они явились ко двору Феофила с одними только гусями) повезло, что их не отправи-

ли на плаху, а отпустили домой.

Как бы то ни было, но уже вскоре после возвращения посольства на родину, русы начали совершать кровопролитные грабительские рейды в Черное и Мраморное море.

В последующие годы приток русов в Черноморье будет настолько мощным, а их присутствие таким постоянным, что Черное море переименуют в Русское. В «Житии Георгия Амастридского», написанном до 842 г., имеется самый ранний из многочисленных рассказов о русской угрозе, нависшей над городами и селами Византийской империи. Автор «Жития» повествует, как русы грабили и разоряли побережье Пропонтиды, а затем вернулись в Черное море, чтобы накинуться на Амастриду – крупный торговый город на малоазийском берегу. Георгий Амастридский характеризовал русов, как народ кровожадный, находящий удовольствие в «смертоубийстве», уничтожающий людей без разбора их пола и возраста¹¹⁸.

Второй визит в Константинополь

Новгородская летопись повествует, что в 854 г. русы организовали крупный военно-морской рейд на Царьград. На столицу ромеев устремилось «бещислено кораблей»; русы сотворили в Империи много зла и убили великое множество христиан¹¹⁹.

От дальнейших страданий греков спас мощный шторм.

Черное море накрыло варваров шквалом ветра и дождя, большинство их утлых судов перевернулось и затонуло, а волны поглотили души кровожадных пиратов. В итоге, как написал новгородский летописец, которому русы откровенно не нравились, «братия сии изгибоша»¹²⁰.

Более точная датировка относит это, второе по счету, нападение русов на Византию к 860 г., и мы уже упоминали о нем в связи с действиями в Киеве варяжского князя Аскольда.

Вот как описывает произошедшее «Брюссельская хроника» XI в.: 18 июня 860 г. в царствование императора Михаила в Византию прибыло 200 кораблей, с которых на берег сошло около 8 тысяч бойцов¹²¹. Армия Михаила воевала в тот момент в Малой Азии, и русы надеялись этим воспользоваться. Их коварный набег стал для ромеев горьким и неприятным сюрпризом.

Патриарх Фотий, наблюдавший этот кошмар собственными глазами, вторя Георгию Амастридскому, писал: «Горе мне, что вижу народ жестокий и дикий безнаказанно обступившим город и грабящим пригороды, все губящим, все уничтожающим – поля, жилища, стада, скот, жен, детей, стариков, юношей, – все предающим мечу, не слушая никаких воплей, никого не щадя. Погибель всеобщая!»¹²²

Фотий называет русов жестокими варварами¹²³, ранее не приметным, низменным племенем людей рабского до-

стоинства, излившим на пригороды Константинополя потоки кровавой ненависти¹²⁴. Как писал константинопольский патриарх, русы разграбили окрестности, «разорили предместья, свирепо перебили схваченных и безнаказанно окружили весь город»¹²⁵. Фотий укорял русов в том, что они воспользовались нападением на Византию, чтобы прославиться на весь мир. Русы Аскольда (а это были именно они) даже переход в христианскую веру обставили так, что император Василий Македонянин, для того чтобы склонить «свирепых варваров» к Христу, вынужден был дать им обильные подношения золотом, серебром, шелковыми одеяниями и тому подобной роскошью¹²⁶.

Совершив тягчайший акт насилия над Империей и получив от ее царя богатые дары в качестве откупа, русы сделали известными и взошли, как писал Фотий, «на вершину блеска и богатства»¹²⁷. Варвары и «кочевники» вдруг стали если не политической величиной, то уж точно опасной силой, которую цивилизованному миру пришлось принимать в расчет.

Однако русы пока не спешили использовать свое уникальное положение. В отличие от славян VI–VII вв. они не собирались селиться на греческой земле. По возвращении в Киев Аскольдова русь занялась сугубо внутренними делами. Русы меняли старых богов на новых, воевали и облагали данью славян, вступали в конфликты с такими же, как они, искате-

лями приключений.

Во второй половине IX – начале X в. по Восточно-Европейской равнине бродило множество варяго-русских дружин. Аскольд, Рюрик, Олег или Игорь, как справедливо писал историк Р.Г. Скрынников, были только некоторыми из их предводителей¹²⁸. Когда древнерусские книжники сочиняли свои летописи, русь уже управлялась одной династией, и всем казалось, что это было всегда. Само собой разумеющимся считалось, что Рюрик, Олег и Игорь были родственниками, а Аскольд (и Дир) боярами из ближнего круга Рюрика¹²⁹.

На самом же деле ранняя русь делилась на множество самостоятельных враждующих группировок, которые при необходимости могли объединяться в большие военизированные отряды. Олег в договоре с Византией от 907 г. требовал выплатить дань подчиненным ему «князьям», владевшим городами Киевской Руси¹³⁰.

Из этого, между прочим, следует, что людей княжеского достоинства среди русов хватало, и у прямой родни Рюрика (я имею в виду Игоря) не было полной уверенности в том, что они смогут укоренить свою династию на киевском троне.

Сугубо деловые отношения

В средние века Византия была одним из главных центров притяжения для таких народов, как русь. Благодаря визан-

тийской дани и награбленным в Империи богатствам «кочующие», как называл их Фотий, русы получили высокий социальный статус и стали задумываться об оседлой жизни. Это доказывает пример Аскольда и его друзей, укрепившихся в Киеве.

Кроме денег и материального богатства русам нужна была власть, ибо они считали себя достойными господства. Киев нравился им своей близостью к византийской «кормилице». Славяне же как нельзя лучше подходили на роль незащищенной жертвы: их было много и они были разрознены.

То, что в 882 г. Аскольда сменил в Киеве конунг Олег, в этом смысле мало что изменило: просто одна команда «находников» вытеснила другую. Византия теперь оказалась под постоянным присмотром русов, которые, с одной стороны, вступали с ней в оживленную торговлю, а с другой, регулярными походами напоминали о даннических обязательствах.

Принято считать, что контакты русов с Константинополем в основном имели торговый характер. Но стоит ли выдавать желаемое за действительное! Великий киевский князь и его русская дружина получали из Византии богатую дань. Империя ромеев являлась самым крупным поставщиком драгоценного оброка, доставлявшегося золотом и тончайшими шелками.

Дань, собранную у славян, еще нужно было продать, а константинопольская сама просилась в сундуки. Так что торгов-

ля торговлей, а взимание дани стало частью политики «русского» Киева в отношении Византии, и русы, пока оставались язычниками, часто хаживали в гости к грекам на военных кораблях.

С 882 г. место Аскольда в Киеве занял конунг Олег – выдающийся деятель своей эпохи и азартный воин-авантюрист. В 907 г. Олег собрал вместе всю «Великую Скуфь»: варягов, славян, чудь, кривичей, мерю, древлян, радимичей, полян, северян, вятичей, хорватов, дулебов и тиверцев¹³¹. С гигантским войском численностью около 80 тысяч человек он вторгся в пригороды Константинополя и после целого ряда бесчинств, грабежей, насилия и убийств заставил греков капитулировать. На переговорах Олег, как типичный представитель ранней руси, потребовал выкуп за город, дань за победу и торговый договор сроком на тридцать лет в знак уважения к его мощи и военным заслугам¹³².

В 944 г. русский князь Игорь Старый повел на Царьград русь, полян, славян, кривичей и степных печенегов, чтобы склонить греков к миру на очередные тридцать лет, а точнее говоря, чтобы заставить все эти годы выплачивать ему дань.

Гигантское войско добралось уже до Корсуни, и бог знает, какие несчастья пришлось бы пережить городу, если бы греки не поторопились вступить с Игорем в переговоры. понадобилось всего несколько дипломатических раутов, чтобы добиться желаемого результата. Русы получили из византийской казны центнеры золота, серебра и множество драгоцен-

ных паволок¹³³. А в следующем, 945 г. мирный договор с Византией был перезаключен к радости киевского князя, его окружения и всей русской торговой прослойки¹³⁴.

Одновременно с русью в IX–XI вв. получением грабительской ренты с развитых стран средневековья занимались хорошо известные всем норманны¹³⁵. С помощью грабежа и разорений накопленные сокровища перераспределялись между производителями богатства и паразитирующим этно-этнографическим элементом. Норманны с этого начали, но тем и закончили свою «дистрибьюторскую» деятельность.

Русы, в отличие от них, пойдут дальше и создадут огромную данническую империю, вся идеология которой будет строиться на подчинении и грабеже. Страны каспийско-черноморского пояса и Византия явились для русских конунгов учебным полигоном, где они оттачивали методы захвата и управления будущими колониями.

Походы государственной важности

Сын Игоря Старого киевский князь Святослав был ярким представителем «кочевой» плеяды русов. Святослав первым из варяжских князей носил славянское имя, которое невозможно спутать с немецким или скандинавским, но при этом он был последним варягом-романтиком среди князей Рюрикова Дома.

В лето 969, сообщает Лаврентьевская летопись, Свято-

слав обратился к своей матери, княгине Ольге, и старшим членам дружины с неожиданным признанием: «...не люблю ми есть в Киеве быти, — заявил молодой князь, — хочу жити в Переяславци в Дунае, яко то есть середя земли моей»¹³⁶.

Серединой намечающейся русской империи дунайский город Переяславец мог быть только в одном случае — если считать Византию, данницу русов, ее частью. Но дело даже не в этом. Единственный сын Игоря при всей авантюристичности своего характера выбрал место для новой столицы с дальним прицелом. Он знал, что в Переяславец стекались «все блага» мира, что в нем находился один из важных торговых центров Византийской империи. Расхваливая достоинства города, ради которых Святослав призывал русов покинуть днепровский берег, он говорил, что ромеи привозят сюда золото и паволоки, вина и разнообразные овощи; чехи и венгры поставляют серебро и коней; а русы обеспечивают дунайский рынок «скорой», воском, медом и челядью¹³⁷.

Скандалный призыв великого князя сменить Киев на Переяславец почти дословно записан в летописи. Благодаря этой фиксации перед нами впервые приоткрывается завеса над святой святых русской средневековой экономики. Из слов киевского князя мы наконец-то узнаем, что в международной торговле русы специализировались на поставке трех групп товаров: меха пушных зверей (скоры), продуктов пчеловодства (меда и воска) и рабов (челяди).

Учитывая известие арабских писателей о том, что ру-

сы лично никогда не занимались производительным трудом, а получали все путем жесткой экспроприации («посев их — грабеж славян», сказано в одном из арабских источников¹³⁸), уже сейчас можно более или менее ясно представить, в каких отношениях находились русичи и славяно-финское население Восточной Европы, завоеванное и покоренное этим воинственным народом.

К теме русских завоеваний мы скоро вернемся, ну а пока отметим, что Святослав в 971 г. действительно отвоевал у болгар полюбившийся ему Переяславец. Однако вместо того, чтобы начать мирную жизнь в этом центре международной торговли, он тут же объявил войну Византийской империи¹³⁹.

Святослав был истинным сыном своего народа и не мог долго жить без грабительских войн. Кроме того, он, как и его предки, претендовал на греческую дань. Константинополь подписал с ним новый пакт и подтвердил его право на добычу¹⁴⁰.

По «доброй» традиции греки обещали Святославу оплатить его военные расходы, но воспользовались случаем и подговорили печенегов расквитаться с дерзким воякой¹⁴¹.

Святослав погиб по дороге в Киев, сраженный кочевниками. Его внебрачный сын Владимир, волей судьбы занявший место отца на киевском троне, был первым, кто, кажется, перестал обирать Византию как данницу. При нем Киевская

Русь стала официальным пактиотом (союзником) Царьграда и получала от него деньги только за участие в совместных войнах.

Однако в дальнейшем, как минимум однажды, русы снова пытались нажиться на Византии. Случилось это, как ни странно, при христианнейшем князе Ярославe Мудром. В 1043 г. его сын Владимир Ярославич во главе большого войска был снаряжен и отправлен воевать Константинополь. Поход получился откровенно неудачным. То ли Владимир Ярославич не обладал даром военачальника, то ли греки были настороже, но только часть русов попала в плен и была ослеплена. Остатки русского войска вместе со своим командиром, сильно потрепанные штормом, бесславно вернулись домой¹⁴².

Рыцари без страха и упрека

Патриарх Фотий считал русов беспечной, неуправляемой массой, не имеющей военачальников, побеждающей своей численностью, стремительной и ужасающе жестокой¹⁴³.

В то же время внутренние источники, например новгородское летописание, указывают на русских князей как на милостивых к своему народу правителей, чьи дружины добывают корм, «воююще ины страны»¹⁴⁴.

Здесь важно не перепутать, о каком народе пишет летописец. Изначально все русы – «находники», пришедшие к нов-

городским славянам извне. В IX–X вв. многие русы изъяснялись по-норманнски – император Константин слышал их речи своими ушами¹⁴⁵. При князе Олеге Лаврентьевская летопись подразумевает под русью не только варягов, но также славян и прочие народы¹⁴⁶.

Это смешение началось в тот момент, когда Олег стал объединять подданных для войны с югом. Все перемешались в его войске. Наиболее достойные вошли в состав варяжского сословия. Что же касается рядовых масс, то, как только Киев был взят, варяги вновь стали варягами, а славяне славянами.

До середины XI в. варяго-русы в целом сохраняли свою этническую непохожесть, подпитываясь пришельцами из-за моря. Но одновременно они все чаще принимали в свои дружины новобранцев из местных этносов и социальных групп. По этой причине средневековые русы никогда не были этнически однородны. Для иностранных наблюдателей они казались чем-то средним между славяно-норманнской массой и военно-торговым сословием¹⁴⁷ без четкой этнической принадлежности.

Современные исследователи видят в русах то варяжский народ, то полиэтническую дружину или особую этнографическую общность¹⁴⁸. Вся эта сумятица и нечеткость мнений есть следствие бурного процесса формирования высшего социального слоя складывающейся древнерусской империи.

В итоге более чем двухвекового синтеза этнический со-

став руси устоялся, славянская речь стала их повседневным языком. Русь превратилась в правящую социально-политическую группу, передала свое имя Киевской земле и через несколько поколений почти полностью погибла в династических войнах Рюриковичей.

Все это случится позже, а пока русы представляют крайнюю опасность для всех, с кем сталкивает их судьба. Как уже говорилось, согласно арабским источникам, русы пренебрегали земледельческим трудом и жили за счет беспардонного грабежа других народов. Отрядами в сто и более человек они нападали на славян (арабское «сакалиба») или финнов, отнимали у них продовольствие, а население продавали в рабство в Итиле (Хозеране), Булгаре¹⁴⁹ или в Константинополе.

Археологи, работавшие в Гнёздовском городище, что поблизости от Смоленска, были поставлены в тупик тем странным обстоятельством, что в диаметре 100 км от его центра в IX в. исчезли все славянские деревни вместе с их жителями.

Ученые считают Гнёздово одним из наиболее крупных днепровских центров, где массово селились варяго-русы. Как ни ломали голову высоколобые ученые умы, в итоге им пришлось предположить, что это гнёздовцы уничтожили поселки кривичей.

Дальнейшие исследования материальной культуры показали, что русы вели себя крайне агрессивно. Они совершали регулярные вылазки из Гнёздова, охотясь на кривичей, как древние спартанцы на илотов, захватывали и продавали их

в рабство, а продовольствие и имущество использовали для своих нужд.

Гнёздово было настоящим осиным гнездом в центре большой славянской округи. Практикуясь на облавах и мародерстве, русы вели себя, как грабительские банды средневековья в стране, которую вскоре полностью захватят и будут управлять ею схожими методами.

Глава VII

Волга впадает в Каспийское море

Дорога на Каспий

Кроме константинопольского направления древние русы с большим интересом присматривались к дороге на Каспий. Известно, что Волгу они знали как свои пять пальцев и уже в IX в. торговали на крупном торжище в Итиле. Там, в столице Хазарского царства, они разузнали, что на южном берегу Каспийского моря раскинулся цветущий Табаристан с плодородными землями и богатыми городами¹⁵⁰.

От этой новости русский мир пришел в бурное движение, и часть русов засобиравалась в поход на магометан. Своей главной целью они определили крупный торговый город Абаскун, в котором сходились караванные пути Среднего и Дальнего Востока.

Согласно Ибн-Исфандийару, первые набеги русов, совершенные предположительно до 884 г., закончились для них полным провалом. Русы были истреблены Хасан бен Зайдом, главой Табаристана. Но в 909 г. новые отряды русов снова вторглись на Каспий. Пиратская флотилия из шестнадцати судов захватила Абаскун и ограбила его ближайшее

побережье¹⁵¹.

Через год русы вернулись, чтобы сжечь портовые города Сари и Панджа-хазар. С добычей и толпами пленных мусульман они устремились на Гилян, желая для него той же участи. Поскольку город находился в удалении от берега, им пришлось разделиться: охрана осталась караулить суда, а большая часть пиратов устремилась в поход.

Однако защитники Гиляна проявили завидное мужество и смекалку. Под покровом ночи они пробрались на берег, перебили охрану и сожгли часть русских кораблей. Ширваншах, оповещенный о пиратских рейдах, подстроил русам морскую засаду и уничтожил оставшуюся часть флотилии¹⁵².

Мародерские набеги руси временно приостановились¹⁵³. Тем не менее до их полного прекращения было еще далеко. Русы только входили во вкус. Их не смущала гибель предшественников. Напротив, каждый новый пиратский отряд считал, что именно ему улыбнется истинная удача.

50 тысяч надежд, 50 тысяч смертей

После 300 года хиджры (912/913 гг.) русы вновь дали о себе знать мусульманскому миру. На этот раз они действовали большими силами. Им быстро удалось собрать армию в 50 тысяч человек. На пятистах кораблях они двинулись грабить Джурджан, Табаристан и другие персидские страны. Добрав-

шись по Волге до Итиля, пираты договорились с хазарским каганом об условиях прохода через его страну.

Мне кажется сомнительным, что хазары по доброй воле решились помогать русам в их неблагоприятной затее. Не то чтобы хазары являлись противниками захватнических войн, просто у них были дружеские (и экономически выгодные, что немаловажно!) отношения с персидским миром. Однако когда у вас перед носом неожиданно возникает 50 тысяч вооруженных головорезов, бывает трудно отклонить их просьбу. А русы, между тем, сулили заплатить кагану половину добычи на обратном пути из Персии.

Чтобы не навлечь на страну больших неприятностей, хазарский царь согласился на явно аморальный поступок и пропустил русский флот через свою столицу¹⁵⁴.

О том, что было дальше, рассказывает осведомленный арабский источник: «И русские суда распространились по этому морю, толпы их бросились на Джиль, Дайлем, на города Табаристана, на Абаскун, <...> на Нефтяную страну и по направлению к Адарбайджану <...> И Русы проливали кровь, брали в плен женщин и детей, грабили имущество, распускали всадников (для нападений) и жгли. Народы, обитавшие около этого моря, с ужасом возопили, ибо им не случалось с древнейших времен, чтобы враг ударил на них здесь, а прибывали сюда только суда купцов и рыболовов. <...> Многие месяцы Русы оставались на этом море... После того, как они нагнали и им надоела эта жизнь, отправи-

лись они к устью Хазарской реки..., послали к царю хазарскому и понесли ему деньги и добычу по их уговору. <...> Ларсия же и другие мусульмане из страны Хазар узнали об этом и сказали хазарскому царю: “Позволь нам (отомстить), ибо этот народ нападал на страну наших братьев-мусульман, проливал их кровь и пленил их жен и детей”. <...> царь послал к Русам и известил их, что мусульмане намереваются воевать с ними. Мусульмане же собрались и вышли искать их при входе в Итиль по воде. Когда же увидели они друг друга, русы вышли из своих судов. Мусульман было около 15 000 с конями и вооружением, с ними были также многие из христиан, живших в Итиле. Три дня продолжалось между ними сражение; Бог помог мусульманам против русов, и меч истребил их, кто был убит, а кто утоплен. Около же 5000 из них спаслись и отправились на судах в страну, примыкающую к стране Бургас, где они оставили свои суда и стали на суше; но из них кто был убит жителями Бургаса, а кто попал к мусульманам в стране Бургар и те убили их. Сосчитанных мертвецов из убитых мусульманами на берегу Хазарской реки было около 30 000. С того года Русы не возобновляли более того, что мы описали»¹⁵⁵.

Текст ал-Масуди, изложенный в предыдущем абзаце, красноречив и очень доходчив. В нем ярко показана необоримая алчность русов и их гиперболизированная страсть к наживе. В самом деле, 50 тысяч взрослых мужчин – как если бы они ничего не умели кроме войны и насилия – погибли

в погоне за золотым тельцом.

Я уже говорил, что русы умели только воевать и ни о чем другом не помышляли. Но есть ли какие-то документальные свидетельства о том, почему это происходило?

Поищем ответ на этот вопрос в арабских манускриптах.

Русы, рассказывают нам Ибн-Русте и Гардизи, давали приданое только дочерям. Сыновья получали в наследство острый меч с напутствием примерно такого содержания: «Твой отец добыл себе богатство с помощью меча, добудь и ты свое этим же способом». Буквально у Ибн-Русте сказано: «[меч] это – твое наследство. Отец приобрел мечом свое достояние, так и ты должен поступить»¹⁵⁶.

Вот, оказывается, в чем дело! Вот к какому поприщу их готовили!

В результате воспитания в духе такой педагогики у русов вырабатывался специфический кодекс чести: чем больше людей они уничтожали, чем большим имуществом овладевали, тем более великими воинами становились.

Хазарский щит. Русы в долине Куры. Город Самкерц и Хельг-наемник

Набег на южные страны 912/913 гг. мог оказаться далеко не последним, если бы не жесткая позиция Хазарского каганата, занятая после внеплановой расправы над русами. Хазарские цари больше не вступали в какие-либо соглашения с

пиратами и перекрыли русским эскадрам доступ на Каспий.

«Я ... не допускаю Русов, прибывающих в судах, наше-
ствовать на исмаилитов (мусульман)...., – писал царь Хаза-
рии Иосиф в письме своему испанскому адресату. – Если бы
я дозволил им, то они опустошили бы всю землю Исмаила
до Багдада»¹⁵⁷.

Хазары спутали русским пиратам карты на долгие годы
вперед. Однако полностью перекрыть им доступ в персид-
ские страны Хазария, конечно же, не могла. Русы, получав-
шие в наследство мечи и пустые закрома, жаждали обогаще-
ния, и сказочные богатства магометанского юга будили их по
ночам, поторапливая собираться в дорогу.

Следующий акт каспийской драмы с участием русов раз-
разился в 943/944 годах.

По свидетельству Ибн Мискавейха, в это время внуши-
тельный отряд русов проник на Каспий и захватил власть
в азербайджанском городе Барда'а, находившемся в долине
Куры.

Нападение было спланировано в момент, когда правитель
города Марзбан находился с войсками в Сирии. Разграбив
город, уничтожив часть его жителей, но понеся потери от
вернувшегося войска Марзбана, русы тайно покинули захва-
ченные кварталы, побросали в корабли добычу и отплыли на
родину¹⁵⁸. Есть предположение, что на обратном пути они
захватили хазарский Самкерц (Таматарху) и основали на Та-

манском полуострове Тмутараканское княжество¹⁵⁹.

Историки обращают особое внимание на этот двойной поход варяго-русов в долину Куры и на Тамань. Дело в том, что после успешного захвата Барда'а русы решили остаться в Азербайджане и основать собственную династию в этом богатом торговом городе.

Овчинка, пожалуй, действительно стоила выделки, ведь Барда'а был одним из богатейших городов мусульманского Азербайджана, в его провинциях выращивали шелк, а торговцы прибывали сюда даже из Ирака¹⁶⁰. Из этого города на берегу Куры начинались все торговые пути через Закавказье. Русы несколько месяцев управляли городом и его провинциями. Они обещали жителям свободу вероисповедания и защиту в обмен на их признание¹⁶¹. В Барда'а этот план не сработал, и русам пришлось бежать, а вот на Тамани он увенчался полным успехом.

Не странно ли это?

На дворе середина X в., уже существует Киевская Русь, а русы все еще подыскивают себе новые страны для завоевания и готовы родниться с другими народами. За этим видна какая-то неустойчивость русского мира. Как будто русы не знают, что им делать и где остановиться. Как будто у них нет настоящей родины. И даже те из них, кто уже создал свои княжества, вдруг заражались странной охотой к перемене мест.

В IX–X вв. этим отличались даже Рюриковичи. Мы видели, как Святослав, не задумываясь, покинул Киев ради дунайского Переяславца. Еще ранее Олег без сожалений оставил сначала Новгород, а потом и Киев.

В годы правления императора Романа I Лакапина (920–944) источники обнаруживают Олега-Хельга среди участников войны с хазарами, где он выступает в качестве византийского наемника¹⁶². Это более чем удивительно для человека, которого мы считаем одним из столпов русской государственности. Но для Олега и его дружины в их поступке не было ничего предосудительного. Что Олег с дружинниками, что каспийские русы-пираты – все они были одинаковы. В X в. русичи продолжали оставаться вояками и авантюристами.

В русо-варяжской среде того времени уровень турбулентности оставался запредельно высоким. Вожди русов могли одновременно совершать несовместимые поступки – строить и разрушать, останавливаться и сниматься с места, грабить и навязываться в друзья. Новым, пожалуй, было то, что стремительное возвышение Киева показало остальным русам пример для подражания. Часть русской знати стала копировать проект днепровского государства где-нибудь в Тмутаракани или на Каспии.

И все же война оставалась их главным увлечением. Тем более, что еще не все враги были разбиты.

Русы мстят хазарам и открывают ящик Пандоры

Из-за непреклонной позиции хазарского кагана русы не могли использовать Волгу для пиратских набегов. До сих пор не совсем понятно, как они проникли на Каспий в 943/944 году. Хазары были могущественным государством, но русов они явно недооценили.

Первый час расплаты для каганата наступил в 965 г., когда русы вернули себе доступ на Каспий и заметно обескровили своего обидчика. Второй час пробил в 968/969 годах¹⁶³, после чего счастливая звезда Хазарии бесследно закатилась¹⁶⁴. На этот раз русы добились ее окончательно и бесповоротно. Из многочисленных крепостей в Ладоге, Новгороде, Пскове, Полоцке, Изборске, на Днепре и в верховьях Волги они собрали силу, не уступавшую по величине армиям средневековых европейских королевств. Ибн-Хаукаль писал, что при их приближении многие хазары, спасаясь от неминуемой смерти и разграбления, бежали в соседние прикаспийские страны.

Оставшиеся жители каганата испытали на себе все ужасы войны на уничтожение: все, что можно было разграбить, русы разграбили, кого можно было уничтожить, уничтожили. Хазарии и ее народу был нанесен предсмертный удар. Хаза-

ры долго приходили в чувство от пережитых потрясений.

Лишь в 980 г. часть бежавшего населения вернулась в Итиль благодаря поддержке, оказанной ширваншахом Мухаммедом (981–991 гг.)¹⁶⁵. Но восстановления хазарской мощи за этим не последовало. Возможно, что именно после описанных событий византийцы стали называть русов «неодолимым» народом¹⁶⁶. От русской ярости Хазарию не спасла ни ее армия, ни мусульманская гвардия, служившая кагану. Не стоило бы и напоминать, что, ограбив до нитки Хазарию, русы после этого сказочно разбогатели¹⁶⁷.

Два хазарских похода – есть ли в них историческая загадка?

Все мы учили в школе, что в 965 г. великий киевский князь Святослав разгромил Хазарию. Этот факт зафиксирован в «Повести временных лет», и его практически невозможно оспорить¹⁶⁸. После ряда победоносных сражений дружина Святослава захватила и разрушила крепость Белую Вежу, затем Святослав разбил ясов и касогов, бывших, по видимому, союзниками Хазарского каганата.

Через три года русы с еще большими силами снова напали на Хазарское царство. Но кто был их предводителем на этот раз? Кто руководил походом 968 года?

Здравый смысл подсказывает, что этим человеком был,

скорее всего, Святослав.

Однако в 968 г. киевский князь воевал с болгарами на Дунае и имел в подчинении дружину всего в 10 тысяч человек¹⁶⁹. Согласно «Повести», Святослав прерывал болгарскую войну и возвращался в Киев, чтобы снять с него осаду печенегов.

Можно, конечно, предположить, что за это время он успел съездить на нижнюю Волгу, но летопись однозначно утверждает: из Киева Святослав сразу же вернулся на Дунай¹⁷⁰. И поскольку невозможно находиться на Волге и на Дунае одновременно, следует признать, что в походе 968 года Святослав участия не принимал так же, как не ходила на хазар его измученная болгарской войной дружина.

В 968 г. на Хазарию, скорее всего, двинулась большая сборная армия, состоявшая из множества русских дружин, каждую из которых возглавлял отдельный вожак. И был среди них некто нам неизвестный, сумевший организовать второй хазарский поход. Этот человек – если только он существовал – мог бы поспорить с киевским князем за славу крупнейшего воителя своего времени. О его вторжении в Хазарию нам сообщает арабский писатель Ибн-Хаукаль, Нестор же сделал вид, что второго похода не было. Как отмечалось выше, в начале XI в., когда писались начальные строки «Повести», Рюриковичи уже господствовали над Русью; поэтому понятно их нежелание афишировать подвиги своих прежних конкурентов.

История о походах русов на Хазарский каганат показывает, что даже в X в. русы все еще рыскали по стране, в виде шаек головорезов и разбойников, зарящихся на чужое добро¹⁷¹. Даже киевские князья, которых мы считаем великими творцами древнерусского государства, частенько сами не ведали, что творят.

Эту нелестную характеристику подтверждают последствия разгрома Хазарского каганата, учиненного русью. Без Хазарии торговля по Волжскому речному пути мгновенно заглохла. Сократился приток арабских дирхемов в Восточную Европу, что негативно повлияло на экономику Руси, у которой, кроме торговли, не было других источников получения золотой и серебряной монеты.

Но самое ужасное последствие гибели Хазарского каганата состояло в том, что, разгромив Хазарию, русы распахнули настежь ворота для миграции степных кочевников через Волгу и Дон, которую по мере сил и возможностей сдерживали хазарские цари.

Глава VIII

Хочу быть русом

Русь торговая. Загадка русской «Гардарики»

Завоевательные войны древности, которыми так страстно промышляли русы, давали им обладание звонкой монетой и драгоценностями. Но одними только деньгами и блестящими побрякушками дело не ограничивалось. Вторгаясь в чужие страны, русы брали с покоренных народов выкуп, большая часть которого предназначалась для продажи. Они предпочитали торговать звериными шкурами, воском и людьми.

Торговля контрибуцией и продажа дани были их подлинной страстью и второй натурой.

Даже самый захудалый вояка из русского племени, заполучив в добычу людей или вожделенную скору (мех пушных зверей), торопился продать их на рынке. В гораздо больших размерах вела торговлю варяжская знать. Многие русы не отделяли войну от торговли. Они тратили уйму времени, перевоза завоеванное добро от Ладоги, Гнёздова и Киева до Константинополя, от Ростова до Рима и далекой страны Ан-

далус¹⁷².

В роли богатых купцов русы были частыми гостями на Балтике, в Булгарии, в хазарском Итиле (до его разрушения) и даже на берегах Каспийского моря. По Дону их корабли спускались до Таматархи (Тмутаракани) и попадали в Черное море. Со своими товарами русы появлялись во многих труднодоступных точках Средней Азии. Иногда, пересаживаясь с корабля на верблюдов, они добирались до сказочного Багдада. Самые смелые из них везли экзотическую пушнину кочевникам гогуз-гузам и даже проникали в материковый Китай¹⁷³.

По известию Ибн-Русте, обычным товаром русских купцов были соболи, белки и другие меха¹⁷⁴. Ибн Хордадбех тоже указывал, что русские купцы возят в Рим из славянских пределов меха белок, чернобурых лисиц и, в качестве транзитного товара, франкские мечи¹⁷⁵. Из заметок, сделанных в Волжской Булгарии Ибн Фадланом, известно, что помимо пушнины и холодного оружия русы торговали «девушками-красавицами для купцов»¹⁷⁶.

Русы никогда не соглашались на бартер. Арабские авторы единодушно заявляли, что они «не продают товар иначе как за чеканные диргемы»¹⁷⁷. Эта деталь выдает в русских купцах воинов, а не коммерсантов. Деньги их интересовали больше, чем возможность перепродать заработанное обменом.

Центр русской торговли, из которого шли крупные потоки колониальных товаров, находился в северной части Восточно-Европейской равнины. На это есть указание аль-Масуди, писавшего о русах: «Ар-рус – многочисленные народы, обладающие разными разрядами, среди них некий разряд, называемый ал-лудеана; они наиболее многочисленны и ходят по торговым делам в страну Андалус, в Рум, в Кустантинию и к хазарам»¹⁷⁸.

Историки считают, что под словом «ал-лудеана» скрывается Ладога¹⁷⁹, известная своими широчайшими торговыми связями¹⁸⁰.

Хотелось бы обратить внимание на тот факт, что в VII–VIII вв. славяне не проявляли интереса к международной торговле. Об этом свидетельствует отсутствие куфических кладов в их землях¹⁸¹.

Появление на Восточно-Европейской равнине варяго-русов кардинально изменило картину. В IX в., благодаря их влиянию, сформировался Волжский торговый путь, а в X столетии появился днепровский путь «из варяг в греки».

Международная торговля, шедшая через Волгу и Днепр, привела к возникновению и расширению географии русских городов. Помимо Ладоги, основанной не позднее 753 г., с приходом русов строится Рюриково городище в Новгороде, Гнёздовское городище на Днепре, Сарское городище возле Ростова, Тимеревское городище под Ярославлем в устье Ко-

торосли (IX в.), Супрутское городище на реке Упе близ Тулы, Вышгород около Киева, Черная могила в Чернигове (конец X в.) и Шестовицкое городище под Черниговом на Десне (где археолог П.П. Толочко в 2006 г. раскопал захоронение «варяжского конунга»¹⁸²), а также Леплева, Левенка, Белгород и другие русские города¹⁸³.

С возведения этих укреплений началась история легендарной страны «Гардарики», в которой над поселками славян возвысились зловещие варяжские замки. Варяго-русы, чуждые местным народам, долгое время находились с ними в затяжном конфликте. О длительном взаимодействии и дружеских контактах между враждебными этносами не могло быть и речи. Напротив, русы предпочитали держаться в стороне от славян и строили свои крепости на границах их княжеств, в урочищах, где чувствовали себя в наибольшей безопасности.

Так они постепенно укрепились в бассейнах Днепра и Дона, Оки и Волги.

Используя речные пути, русы довольно быстро продвинулись на верхнюю Оку и Волгу. Пока славяне завершали колонизацию Приднепровья и ассимилировали в притоках Днепра остатки восточных балтов, русские крепости во множестве строились в стране поокских народов мери и муромы.

Опираясь на свои укрепленные замки и высылая военные отряды вглубь мерянских и муромских земель, русы обложили туземцев данью. Указывая на этот факт, анонимный

автор трактата «Худуд ал-Алам», знавший по рассказам об «области русов и ее городах», писал, что она занимает большую площадь между безлюдными землями на севере и славянами на западе¹⁸⁴. По этой же причине арабские географы называли Волгу того времени русской, а не славянской и даже не финно-угорской рекой.

Хочу быть русом

После захвата Олегом Киева русы перестали быть просто одной из «народностей» Восточно-Европейской равнины со своей этнографической спецификой¹⁸⁵ и уникальной экономической специализацией.

Укрепление династии Рюрика в восточнославянских землях превратило ее представителей в высший слой складывающейся дружинно-даннической империи¹⁸⁶.

С конца IX в. многие русы оставляли своих менее удачливых князей и переходили на службу в Киев. Благодаря притоку новых дружинников, Рюриковичи приобретали военный перевес над прочими варяго-русскими князьями. Киевские улицы, площади и дворцы наполнялись княжескими «отроками» и «гридями», и Киев довольно скоро превратился в средоточие русской жизни со всеми ее достоинствами и недостатками.

При Рюриковичах служивая русь стала процветающим сословием. Многие из русов совмещали военную службу с тор-

говлей и накопили огромные состояния.

Русы кичились своим богатством. Распродавая добычу, за каждые 10 тысяч дирхемов выручки они дарили любимым женам ожерелье из золотых или серебряных монет. По свидетельству Ибн Фадлана, многие русские «дамы» носили на шее десятки золотых монист¹⁸⁷, а их мужья хранили в сундуках десятки и сотни тысяч арабских дирхемов.

Сановитость, слава и богатство киевской знати чаровали «зеленую» молодежь. Попасть в русское сообщество, стать настоящим русом было мечтой многих современников Рюрика, Олега или Игоря. С IX–X вв., то есть после укрепления русской власти в землях днепровско-волховских славян, переход в русское сословие был для них лучшей возможностью изменить социальное положение и сделать военно-административную карьеру.

Князья-олигархи и их ближний круг

Но неизмеримо богаче остальных русов были их «светлые» князья. Деньги, как известно, создают основу для почитания, а большие деньги делают человека подобным богу.

Изначально русские конунги, среди которых первую скрипку играли киевские правители, грабили слабых и беззащитных или нанимались на военную службу. Наемником, как мы помним, под старость стал Олег. Князь-воитель Святослав получил от Византии пятнадцать кентариев (почти

полтонны!) золота в уплату за войну с болгарами¹⁸⁸. Существуют и другие примеры успешного заработка русов на наемничестве.

Однако чужие войны, при всей их повседневности в средневековье, не давали надежных доходов. К тому же они были связаны с риском для жизни. Поэтому русы вознамерились перейти от разовых грабительских рейдов к созданию территориальной империи. Русские крепости, повсеместно возведенные на землях восточных славян и финнов, давали им такую возможность.

Из кочующих бандитов русы решили превратиться в стационарных правителей собственной даннической империи.

Первым этот план пытался реализовать Аскольд, но завершили его потомки Рюрика. Для этого им потребовалось подчинить дюжину «периферийных» русских князей, претендовавших на самостоятельность, и покорить многочисленных славян. В конце IX – первой половине X вв. то и другое в целом было сделано.

В нашей исторической памяти не осталось сведений о русских князьях, кроме Рюриковичей. Повторю мысль о том, что киевские монахи намеренно вычистили их имена из летописей. Победители часто переписывают историю в свою пользу.

Покоренные славяне скрепя сердце повезли в Киев дань, а княжеские отроки, разосланные в Новгород, Смоленск, Ростов, Муром и другие города, принялись собирать на доро-

гах мытные деньги, взимать судебные штрафы и пошлины и прямым путем направлять их в Киев.

Под влиянием больших денег столица Киевской Руси стала превращаться в имперский город с богатым населением и разлагающейся знатью.

Тлетворному влиянию золотого тельца поддавались и русские князья-нувориши. С каждым годом их обуревала все большая гордость, и они старались возвыситься над своим окружением, причем делая это не только в переносном, но и в прямом смысле слова. В ход шла демонстрация политического, социального и даже полового превосходства.

В подтверждение этой мысли приведу информативную цитату из Ибн Фадлана. Напомню, что ее автор в 921–922 гг. побывал на Волге и много интересного разузнал о русах. «Из обычаев русского царя, – сообщает Ибн Фадлан, – есть то, что во дворце с ним находится 400 человек из храбрых сподвижников его и верных ему людей, они ... подвергают себя смерти за него. <...> Эти 400 человек сидят под его престолом; престол же его велик и украшен драгоценными камнями. На престоле с ним сидят сорок девушек (назначенных) для его постели, и иногда он сочетается с одной из них в присутствии упомянутых сподвижников. Он же не сходит с престола, а если желает отправить свои нужды, то отправляется в таз. Когда он желает ехать верхом, то приводят ему лошадь к престолу и оттуда садится он на нее, а когда желает слезть, то приводят лошадь так, что слезает он на престол»¹⁸⁹.

Не уверен, что Ибн Фадлана можно заподозрить в дезинформации. Ученый эмиссар из Багдада был фигурой непредвзятой, а к русам имел особый интерес, охвативший Восток после их нападения на Каспий в 913 году. Его рассказ рисует картину существенного отрыва и социальной дистанции между князем и его ближайшим придворным кругом – боярами и старшими дружинниками. Надо думать, что для рядовых горожан киевские князья были в то время так же недоступны, как египетские фараоны для своих крестьян и пастухов.

Но и русь в это время дифференцировалась.

Князья – прямые потомки Рюрика – становились социально недостижимыми для обычных воинов. Их кругом общения были бояре-сподвижники, готовые, согласно Фадлану, умереть за своих господ. Бояре держались на расстоянии от младшей дружины, и все вместе русы дистанцировались от славянского плебса.

Впрочем, такое положение вещей всех устраивало. Принцип слепого подчинения (в пределах разумного, конечно) являлся основой русской дисциплины. Осуждать старших в дружинной среде было не принято. Зато никто не запрещал русам богатеть и делать карьеру. Кроме того, жизнь в оккупированной стране предполагала сохранение единства класса завоевателей. Только вместе русы могли выстоять среди враждебно настроенных к ним туземцев. Поэтому, несмотря на внутреннюю иерархичность, они очень ценили свой кор-

поративный дух.

Фабула средневековых милитаристских корпораций, выраженная в воле князя и беспрекословном подчинении дружины, принималась ими, как должное, и всегда оставалась в силе.

Русская экспансия и славянская колонизация – вместе или порознь?

Между русами и славянами шло постепенное смешение, не стану этого отрицать. Однако их культурный, языковый и религиозный синтез происходил, в основном, в крупных княжеских городах.

Большая же часть Киевской Руси представляла собой огромное колониальное пространство, куда русы выходили с опаской и которое так и не смогли до конца освоить. Русы не стали славянами, хотя и заговорили на их языке. Они не могли ассимилироваться потому, что, образно выражаясь, были солдатами русской экспансии.

Русская власть уже в раннем средневековье находилась в конфликте с массой славянского населения.

Русам требовалось выкачивать из славянских колоний ресурсную ренту – пушнину, мед, воск, холопов, – все, что можно было конвертировать или использовать на дворцовые нужды. Остальное было вторично, в том числе и потому, что в задачу даннической империи не входил всеобщий

контроль над населением.

По этой же причине русская экспансия никогда не стремилась к массовому уничтожению завоеванных народов, как это делали славяне при колонизации Балкан. Иначе русам не с кого было бы собирать дань! Откупившись от князя белой, куницей или бобром во время «полюдья», славяне на целый год избавлялись от необходимости общаться с русами и старались держаться от них в стороне.

Благодаря редким встречам и параллельному существованию, русская власть уживалась со славянским земледельческим этносом. Две эти стихии никогда не жили единой жизнью. Русы в сложившемся тандеме господствовали, а славяне терпели их власть. Русы эволюционировали в аристократический слой даннической империи, а славяне превращались в податную массу «подлых» людей, как будут называть их русские аристократы поздней поры, числившие себя потомками варяжских конунгов и древних боярских родов.

До этого момента я старался говорить о русах, в целом подчеркивая их многочисленность, разрозненность, разбойный образ жизни и конкурентную среду существования. Хотя мне приходилось периодически припоминать Рюрика и его потомков, непосредственно ответственных за формирование русской даннической империи, я делал это для того, чтобы подчеркнуть или усилить тот или иной аспект предыдущего повествования. Пока еще Рюриковичи не были главным предметом исследования, но вот наступил и их черед.

Все, что было сказано выше, я предлагаю считать предварительным экскурсом, необходимым для того, чтобы знать предысторию и правильно понимать причины возникновения древнерусского государства Рюриковичей.

Глава IX

Рюрик призванный.

Начало империи русов

Гражданская война в северной конфедерации

В 859 г. чудь, славяне, меря, весь и кривичи были завоеваны и платили дань варягам «из заморья». Три года они готовились к реваншу и, наконец, прогнали оккупантов. Победить варягов им помогло создание славяно-финской коалиции, которую для удобства я буду называть «северной конфедерацией», а ее членов «конфедератами».

Когда варяги были изгнаны, конфедераты перессорились между собой и вступили в длительную полосу военной конфронтации. Как сказано в «Повести», «и не было в них правды, и встал род на род»¹⁹⁰.

В этой гражданской по своему характеру войне довольно легко угадывается стремление ильменских славян к первенству среди конфедератов и их желание подчинить себе местных союзников. Чудь, меря, весь и кривичи оказали новгородцам сопротивление, и разорительная война затягивалась.

В какой-то момент стороны приняли два важных реше-

ния.

В соответствии с первым, они заключили перемирие и начали обсуждать пути прекращения конфликта. Переговоры затягивались, и тогда было принято второе решение, последствия которого перевернули всю дальнейшую историю конфедератов и не только их одних.

Переговорщики пошли на компромисс и решили пригласить для управления разваливающимся политическим союзом специалиста из-за границы – того самого Рюрика, что вскоре создаст основу древнерусской империи и запустит механизм русской экспансии.

Согласно некоторым догадкам, идея с его призыванием целиком принадлежала новгородскому князю Гостомыслу, который действовал на основании родственных предпочтений.

Годлав – зять Гостомысла. «Родственная» концепция призвания, или Рорик Ютландский

«Родственную» версию призвания руси наиболее подробно изложил в своей книге «Славяне и русы: очерки по истории этногенеза (IV–IX вв.)» российский историк Е.В. Кузнецов. Согласно его интерпретации событий, произошедших в 862 г., средняя дочь новгородского князя Гостомысла по имени Умила была замужем за знатным варягом. И вот незадолго до своей смерти Гостомысл повелел пригласить на нов-

городское княжение одного из ее сыновей. Варяга – мужа Умилы – звали Годлавом, и почитался он князем «ободритов» или «ререгов». Его сыном, в свою очередь, был Рюрик (Рорик или Рерик).

По мнению Е.В. Кузнецова, немецкое написание «ререги» в славянской транскрипции должно произноситься как «рароги». В свою очередь, «рарог» – это западно-славянский диалект имени «Сварог». Сварогом, как мы знаем, звался верховный бог славян.

Таким образом, согласно излагаемой версии призвания, летописный Рюрик оказывается не только внуком Гостомысла, но и носителем имени верховного славянского божества. По-видимому, этот человек обладал кроме громкого имени значительной властью, так как смог организовать доставку большого войска из одной страны в другую.

Здесь у Е.В. Кузнецова логично появляются умелые мореплаватели «руги» или «русы», жившие на границе с ободритами. Рюрик нанял их флот для транспортировки своей дружины и пригласил принять участие в походе. «Охотников» оказалось так много, что экспедиция не только получила название русской, но и стала ею по преимуществу, если понимать слова «Повести» дословно («взяли с собой Русь всю и пришли...»)¹⁹¹.

По другой версии¹⁹² – не менее интригующей и в той же степени гипотетичной, – под именем легендарного Рюрика скрывается Рорик (Рерик) Ютландский, достаточно хорошо

известный деятель середины IX в., человек тщеславный, активный, много воевавший и, к тому же, недавно лишившийся своих земельных владений во Фризии.

Гостомысл, конечно, не стал бы звать на славянский трон подозрительного датского конунга. А вот совет конфедерации, погрязший в безуспешных спорах, пожалуй, мог бы на это решиться.

Призванный

Рюрик, которому предстояло вернуться на землю предков (если только он действительно был славянином), должен был хорошенько подумать о своих приоритетах.

Послы Гостомысла, скорее всего, объяснили избраннику сложность обстановки и свое конечное предложение должны были сформулировать так, как оно прозвучало в летописи: «Да пойдите княжить и володети нами».

Княжить и владеть!

Мысленно Рюрик мог сделать упор на вторую часть этой формулы, фактически разрешавшей ему узурпировать власть над конфедератами.

И вот с «дружиной многой и предивной»¹⁹³ Рюрик прибывает в Приильменье. Вместе с ним плывут его братья Синеус и Трувор. Есть мнение, что их имена – простая ошибка перевода¹⁹⁴. Однако и без братьев Рюрику было на кого опереться. Его окружали представители знатных русских родов

и большая, хорошо вооруженная армия наемников, способная навести порядок между враждующими конфедератами.

Ладога, измена Рюрика и крах конфедерации

Когда в 862 г. от Рождества Христова Рюрик впервые появился на севере, своей столицей он выбрал Старую Ладугу¹⁹⁵, а не Новгород, в котором доживал последние дни умирающий Гостомysl. И к этому у него были веские причины.

Ладога, она же Альдейгьюборга, являвшаяся тогда фактической столицей Северного края, была построена в середине VIII в. скандинавами с острова Готланд. Затем Ладога как минимум дважды переходила из рук в руки: в 760-е гг. ее завоевали славяне, а в 830-е гг. – варяги¹⁹⁶.

Однако кому бы ни принадлежал этот город, все обладатели ценили его как важный торгово-ремесленный центр. К моменту вокняжения в Ладоге Рюрика там уже сформировался, говоря научным языком, этно-социальный субстрат жителей со значительной долей скандинавского элемента, перемешанного с местными народами финской, балтской и славянской крови.

Торговые нити связывали Ладогу с рынками Азии и Северной Европы. Основной статьей ладожской торговли была пушнина. Городские ремесленники научились производить

глазчатые бусы, на которые выменивали у аборигенов драгоценную «скору».

По отношению к местным жителям Ладога долгое время выступала в той же роли, что Гнёздовское городище играло в отношении смоленских кривичей. Ладожские варяги уничтожили все поселки финно-угров на сто верст в округе и продали в рабство их жителей¹⁹⁷. Лишь со временем между варяго-русским городом и финской деревней установилось подобие хрупкого мира.

Сдается мне, что европеец Рюрик, выбирая Ладогу своей столицей, хотел оказаться в более или менее привычной для себя культурной среде. Все эти северные конфедераты, призывавшие его на службу, были для него чужими людьми.

Рюрик и не думал вступать с ними в политический диалог. В своем уме он держал совсем другой план действий, который в корне противоречил расчетам ильменских славян и их союзников по несчастью.

Рюрик с поразительной быстротой осуществил «русскую контрреволюцию». В самое короткое время он подчинил себе финское Белозерье на северо-востоке конфедерации, славянский Изборск и варяжский Полоцк на ее западе, а также захватил власть над верхнеокской мерей и муромой.

Опираясь на княжеское происхождение, договор о призывании и большую армию, Рюрик добился огромных успехов: он простер свою легитимность на тысячу километров с запада на восток и на пятьсот километров с севера на юг.

Всего за несколько лет русский князь создал новое государство – северную русскую империю.

Под овечьей шкурой европеизированного принца прятался прагматичный диктатор. Рюрик силой насаждал повсюду единоличную власть и ломал хрупкие конфедеративные устои, зарождавшиеся в славяно-финской среде.

Для этого он раздавал «грады племенем своим и мужем: овому Полтеск, иному Ростов, иному же Белоозеро»¹⁹⁸. За семнадцать лет авторитарного господства он сумел консолидировать вокруг себя русов, различные отделения славян, финно-угров и, видимо, остатки балтов, обитавших вокруг Изборска.

Ярослав Мудрый в завещании писал, что его отцы и деды русскую землю «добыли <...> трудом своим великим» (курсив мой. – С.М.)¹⁹⁹. Славянская земля воспринималась потомками Рюрика как добыча княжеского рода, а ее первым завоевателем был Рюрик.

Из Ладоги он переместил столицу в Новгород, куда перебрался сам и перевел свою дружину. По сравнению с Ладогой Новгород являлся молодым городом, в котором крепились вечевые принципы самоуправления. Новгородцы не признавали княжеской власти и встретили Рюрика с большой прохладой. Не случайно, что местом своего обитания он выбрал укрепление (Рюриково городище) в сторонке от города.

Рюрик пытался задавить новгородскую вольность административными мерами. Он также стремился лично кон-

тролировать новгородские провинции. Глухим отголоском острой социальной борьбы, вызванной приходом Рюрика, является рассказ позднейшей Никоновской летописи о двух событиях IX века.

Первое относится к 864 г., когда Рюрик после смерти братьев Синеуса и Трувора впервые появился в Новгороде. Не прошло и нескольких месяцев, как против него вспыхнуло восстание. «Того же лета, – говорится в Никоновской летописи, – оскорбишася Новгородцы, глаголюще: “яко быти нам рабом, и много зла всячески пострадати от Рюрика и от рода его”. Того же лета уби Рюрик Вадима храброго, и иных многих изби Новгородцев съветников его»²⁰⁰.

Привыкшая к сильной власти Ладога, видимо, терпела авторитаризм русского правления, Новгород же сразу показал русам независимый характер.

Второе сообщение датировано 867 г. и логически вытекает из первого. В этом году от Рюрика в Киев ушло «много Новгородских мужей»²⁰¹. Летопись использует глагол «избегаша», говорящий сам за себя: в Киев к Аскольду и Диру тайно переметнулись уцелевшие после репрессий сторонники новгородской вольности.

Даже если считать этот фрагмент летописи литературной вставкой (в ранних списках информация о Вадиме храбром отсутствует), все равно к Рюрику остаются вопросы. Если через толщу веков к московским книжникам просочились, пусть даже искаженные, сведения о его конфликте с новго-

родцами, значит, что-то подобное случилось на самом деле. Придумывать историю древнейших времен летописцам XVI в. было не с руки.

Память народа зафиксировала политический кризис в древнем Новгороде, причиной которого являлись авторитарные действия Рюрика и его варяго-русских дружин.

Олег Вещий начинает и выигрывает войну севера с югом

Смерть Рюрика, последовавшая в 879 г., наверное, могла привести к краху и полному распаду его искусственно созданную империю. Мировая история наполнена подобными примерами. Русы, как мы уже знаем, не были в то время едины, а северные конфедераты мечтали избавиться от их господства.

Многое зависело от фигуры преемника Рюрика, а точнее от того, кто станет регентом при малолетнем принце Игоре. «Повесть временных лет» утверждает, что Рюрик лично выбрал на эту должность близкого родственника и своего сподвижника Олега²⁰².

По сведениям В.Н. Татищева, Олег приходился родным братом жены Рюрика Ефандии Урманской, а Игорю, следовательно, доводился дядей.

Мы уже сталкивались с Олегом на страницах этой книги и знаем, что он был человеком, способным выигрывать труд-

ные партии. Больше всего в жизни он ценил приключения и военные битвы, однако при необходимости умел создавать и укреплять империи.

Приняв в свои руки бразды правления Новгородом, Олег задумал расширить границы северорусской державы, созданной Рюриком, и присоединить к ней земли по течению Днепра. Без промедления он взялся готовить большую войну. Будучи по природе воителем, Олег продолжил имперскую политику Рюрика с невиданным размахом. Его главной целью стали города на торговом пути «из варяг в греки». Ну, а в самых смелых мечтах Олег, пожалуй, мнил себя властителем Царьграда.

Первым делом Олег усмирил волнения бывших конфедератов, вызванные смертью Рюрика. Затем он начал собирать огромное войско. Из-за моря по его приглашению прибыли дополнительные отряды варягов.

Как человек, знакомый с превратностями войны, Олег позаботился о том, чтобы создать крупный перевес сил над противником. На решение этой задачи ушло примерно три года, и в 882 г., когда вся северная сторона собралась под знаменем Олега, «северяне» двинулись покорять южные «штаты» будущей Киевской Руси.

«Повесть» содержит краткий отчет о войне севера с югом, а точнее, о ходе грандиозного завоевания русами новых провинций даннической империи. Первой целью северян стал Смоленск, а точнее Гнёздовское городище, населенное варя-

гами.

Любопытно, что в войске Олега находились смоленские кривичи²⁰³, заинтересованные в разгроме и уничтожении Гнёздова.

Победив смоленских варягов, Олег посадил управлять ими своих мужей, а сам спустился с войском вниз по Днепру и захватил хорошо укрепленный город Любеч, также назначив в нем русскую администрацию.

Киев, если верить летописи, был взят Олегом хитростью. Это спасло горожан от штурма, разорения и массовой гибели. Согласно летописанию, при овладении городом погибло всего два человека. Это были киевские князья Аскольд и Дир²⁰⁴.

После их трагической смерти Аскольдова русь по праву победителя и по общему родству русов между собой должна была перейти на службу к Олегу. Поскольку источники не сообщают о волнениях или казнях в Киеве после его захвата, видимо, так и произошло. Власть в Киеве на целые столетия укрепилась за князьями Рюрикова дома, а сам город стал центром их вотчины, которую они гордо называли «Русской землей».

По словам А.Н. Насонова, «Русская земля» в первое время ограничивалась территорией в два-три однодневных перехода от Киева. В этих границах она существовала до начала XI века.

Очень важно понимать, что для русских князей киевская

земля была вотчиной, т. е. частным семейным владением²⁰⁵. Одновременно под их контролем находилась так называемая «внешняя Русь» с ее колоссальными территориями, разными народами и неисчерпаемыми ресурсами.

В переводе на имперский язык это означало, что Киев с его пригородами был метрополией, а остальные земли – колониями варяго-русов.

Приказав убить Аскольда и Дира, Олег совершил первое политическое убийство на Руси. По его представлениям, все было в рамках закона. «Вы, – говорил Олег обреченному Аскольду и Диру, – не рода княжеского, а настоящий князь вот он», и указывал на малолетнего принца Игоря Рюриковича²⁰⁶. «Голубая» кровь Игоря была индульгенцией за любое политическое преступление. Олег принес Аскольда и Дира в жертву новому принципу субординации власти внутри русского сообщества. С этого момента только Рюриковичи имели право управлять империей русов.

Киев при варяжской династии

При новой варяго-русской власти Киев сильно изменился. Наибольшие перемены коснулись городского населения. Уже при князе Аскольде русь доминировала в его составе. При Олеге концентрация варяго-русов в Киеве значительно возросла. Киевские славяне, как писал В.О. Ключевский, постепенно «оваряжились»²⁰⁷.

Одновременно из окрестностей русской столицы стало исчезать аборигенное население, выдавленное или истребленное русами. Их место занимали новые жильцы. Многие из них оказались в вотчине русских князей не по доброй воле, а были куплены или захвачены в плен.

Другую часть обновляющейся Киевщины составляли беглые рабы. В «Хронике» Титмара Мерзебургского приведено описание войны 1018 г. между поляками и русью. Со слов немецких наемников короля Болеслава автор «Хроники» записал, что захваченный ими Киев и «весь этот край» были пристанищем «спасающихся бегством рабов, стекающихся сюда со всех сторон». Также в большом количестве город был населен «стремительными данами»²⁰⁸. Согласно Титмару, в 1017 г. Ярослав захватил Берестья и увел всех его жителей в плен²⁰⁹. Скорее всего, он поселил их в своей киевской вотчине.

Кстати, в «Хронике» Титмара говорится о колоссальном богатстве русских князей. В Киеве Болеславу были выданы их «немыслимые сокровища»: многое он раздал солдатам и еще больше отправил в Польшу²¹⁰.

Начало русской вотчины

Болеслав был не единственным иностранцем, которому довелось увидеть несметные сокровища киевских князей и воспользоваться их достоянием. Анонимный автор хроники

«Деяния венгров» рассказывает, как венгерский князь Альмош напал на Киев во время перехода в Паннонию, состоявшегося, по некоторым оценкам, около 889 г.²¹¹, а по хронологии «Повести» – в 898 году²¹².

Альмош вынудил русов выплатить ему контрибуцию, в состав которой вошло 10 тысяч марок, тысяча лошадей с разукрашенными седлами и удилами, сто половецких мальчиков, сорок верблюдов для перевозки грузов, множество мехов ласки, белки и многие другие дары. От Владимира на Волыни венгры получили в подарок «две тысячи марок серебра, сто марок чистого золота с бесчисленными мехами и покрывалами, а также триста лошадей с седлами и удилами, двадцать пять верблюдов и тысячу волов для перевозки грузов и другие неисчислимы дары». Свои подарки преподнес венграм и князь города Галича, в котором они останавливались на своем пути.

Когда орды Альмоша, наконец, двинулись в Паннонию, дорогу через лес для них расчищали 3 тысячи галицких крестьян. Князь Галича предоставил венграм продовольствие и другие необходимые вещи «и снабдил для пропитания домашними животными в огромном количестве»²¹³.

Обладая таким богатством, русские князья все больше вживались в роль правящего семейства империи. Для грандиозной инсценировки под названием «Киевская Русь», которую они вознамерились поставить, им требовались полно-

ценные декорации и многочисленные статисты. Какими великими князьями были бы Рюриковичи без каменных дворцов, крепостных стен, многочисленной челяди, смердов, паших для них землю и производящих продовольствие, ловчих, сокольников, кузнецов, ювелиров, ткачей, каменщиков, то есть десятков тысяч людей, без которых вся постановка не могла бы прийти в движение?

Русские князья охотно насыщали свои домены новыми жителями. Как только Рюриковичи и их ближний круг окончательно «сели» на землю, им потребовалась дружественная среда обитания, место, где князья, окруженные недружелюбным славянским населением, могли чувствовать себя относительно спокойно.

С этой целью русы сначала захватили Киевское княжество, а потом провели его «внутреннюю реколонизацию», частично заменив свободное славянское население на класс зависимых людей. В Киевщине методика «демографического замещения» приняла большой размах. Уже Олег начал «ставить» вокруг днепровской столицы новые города²¹⁴ и населять их перемещенным элементом.

Параллельно, в сознании Рюриковичей постепенно формировалось представление о том, что вся Киевская («Русская») земля – их собственность, которой можно распоряжаться по личному усмотрению.

Подобное представление о землях, отнятых русами у славян, распространялось и на территорию «внешней Руси».

Присоединив к себе очередное славянское протогосударство, Рюриковичи превращали его столицу в центр провинциального управления. Лучшие земли в округе они забирали себе, застраивали их княжескими городами²¹⁵, заселяли деревни пленными, холопами и рабами.

Начиная с Ярослава Мудрого, заселение пустующих земель княжеского домена из увлечения превращается в тенденцию. Целые города переселяются с места на место в угоду княжеским интересам. Одним из примеров является случай, когда князь Ярополк Владимирович насильно заселил жителями Друцка Переяславское княжество²¹⁶.

Лишь на границах со степью переселенческая тактика Рюриковичей менялась. На этом ответственном участке нужны были не рабы, а пограничные отряды. Здесь русы превращались в дипломатов и иногда добивались успеха. Ярослав Мудрый, например, уговорил поселиться в долине пограничной со степью реки Роси берендеев, торков и печенегов, чтобы прикрыть ими уязвимый Киев.

Часть третья

Расцвет

Глава X

Русо-славянские войны IX–X веков. Славяне теряют самостоятельность

В конце IX – X в. русская экспансионистская машина с центром в Киеве работала с высоким КПД.

После того, как Олег укрепился на Днепре, он первым делом позаботился о том, чтобы северные «союзники» Русско-го Дома – кривичи, весь, меря и новгородские варяги – хранили ему верность. Северяне помогли Олегу завоевать Киев и за это получили особую льготу. Князь установил для них регулярную дань («оустави дани»), но разрешил Новгороду, как бывшей столице конфедератов, самому собирать деньги для отправки в Киев. Подобный порядок действовал до 1054 года. Денежная рента Киева составляла триста серебряных гривен в год²¹⁷. Недавние союзники и бывшие конфедераты – новгородцы – были обложены данью, однако в остальном получили широкую свободу действий.

Это был редчайший случай в практике империи русов,

вызванный, видимо, пониманием значимости Новгорода как крупнейшего торгового центра древней Руси. Все прочие волости включались в состав русского государства в качестве бесправных колоний и переходили в управление младших членов правящего Рюрикова Дома.

Древляне

Когда отношения с северными провинциями стабилизировались и можно было не опасаться измены с их стороны, Олег приступил к делам поистине грандиозным. Он решил завоевать и покорить Киеву всех окрестных славян.

Восточно-Европейская равнина должна была стать «русской» и управляться из единого центра.

Первыми, кто подвергся нападению русов, были древляне, жившие в дремучих лесах к северо-западу от Киева. Их лесные уголья изобиловали пушным зверем, к которому русы испытывали трепетную любовь. Возможно, из-за этого богатства они и выбрали древлян своей первой жертвой.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.